

Лидия Филиановская

Сияние предметов людей

Г у м а н и т а р н а я   А к а д е м и я

Лидия Филановская

**Сияние предметов
и людей (сборник)**

«ИП Князев»

2007

Филановская Л.

Сияние предметов и людей (сборник) / Л. Филановская — «ИП Князев», 2007

Каждое из трех прозаических произведений, составивших эту книгу, представляет собой художественное исследование такого психологического феномена, как чувственная притягательность верховной власти и власти вообще. Героини Лидии Филановской фатально и безнадежно влюбляются в первое лицо государства. Как прорваться к предмету своей страсти, который можешь видеть только на экране телевизора? Как сообщить ему о своих чувствах? Только написать...

© Филановская Л., 2007

© ИП Князев, 2007

Содержание

Сияние предметов и людей	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лидия Филановская

Сияние предметов и людей

© Л. М. Филановская, 2007

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2007

* * *

Сияние предметов и людей

*И как будто по ошибке
Я сказала: «Ты...»
Озарила тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.*

А. Ахматова

Часть первая

Ты знаешь, ведь не одна я люблю тебя. Я лично знакома с тремя милыми людьми, которым ты снился. Даже мой муж видел тебя во сне. Все вместе: я, ты и он, – гуляли по парку и разговаривали... А моей маме, представляешь, снилось, что она вышла за тебя замуж! Делясь впечатлениями о сне, она так радовалась, таким счастьем и удивлением лучились ее глаза, что было невозможно заподозрить в ее чувствах фальшь, наигрыш, насмешку. Твое обаяние действует на всех.

Любили ли тебя так, когда ты еще не был настолько известен? Подозреваю, что да, ведь обаяние – фатальная черта. Возможно, нежность к тебе была робкой, неяркой, как свет белой ночи, но она была буквально разлита вокруг – пусть из скромности ты и делал вид, что этого не замечаешь.

Где я могу видеть тебя? Только по телевизору, который я готова смотреть непрерывно. Хорошо, что он стоит рядом с моим рабочим местом, и Сергей, наш начальник, не возражает, если я включаю его. События, хоть как-то связанные с тобой, освещают по всем каналам. Разные точки у камер, и я могу видеть тебя то анфас, то в профиль, то в три четверти...

Мое сердце замирает, когда я смотрю на тебя и вижу рядом с тобой других людей. Мне очень хочется оказаться среди них. Как я хочу быть журналистом, ведь у журналистов есть возможность общаться с тобой. Как бы мне хотелось посмотреть на тебя, задать вопрос, и чтобы ты, отвечая на него, взглянул мне в глаза, ведь ты так всегда делаешь, общаясь с прессой. Как бы я была рада удивить тебя, рассмешить... О, если б ты мне просто подарил свой заинтересованный, а может, удивленный или лукавый взгляд...

Какой работник из влюбленного человека? Мысли, прямо скажем, не о делах. Сергей Игоревич мне не сделал замечания, но я подслушала, как в курилке они с Димочкой говорили обо мне. До меня донеслись обрывки фраз, и я уловила что-то насчет женских трудностей. Меня этот цинизм ужасно возмутил. Какое банальное, физиологичное они нашли объяснение моему состоянию... Но потом мне стало смешно – вот уж умники. Наверное, я поняла Сергея. Он пытается как-то оправдать мою рассеянность и медлительность. Он ждет работы, конечно, а вместо исполнительного сотрудника появилась вдруг мечтательная барышня с блаженным лицом.

Но я все-таки о своем – главное, чтобы, как прежде, работал телевизор. (Удивительно, что кто-то думает, что телевизионные передачи – подходящий фон для работы.) Ведь весь

мой день – ожидание нескольких минут, показанных в новостях. Бедный Сергей, он так и не дожидается работы. И сколько он будет терпеть меня такую...

На улице снег. Пришла домой, отряхнула запорошенную шубу, сняла обувь. Вертится собака, встречая, подсакивая, лижется. Прибежали детки. Мои милые замарашки, что-то рисовали, измазались краской. Сейчас нужно будет их покормить. А потом придет муж, ему тоже нужно будет подать ужин. Через несколько часов отделаюсь от всех. Я знаю, сегодня вечером будут показывать интервью с тобой.

Телевизор все-таки включила с опозданием. Но вот наконец-то передо мной долгожданная картинка. Вижу: один известный журналист, отличающийся независимостью суждений, остроумием, проницательностью, даже некоторой дерзостью, ведет беседу с тобой.

Непривычно видеть тебя не в костюме с галстуком, а в сером свитере, но таким ты мне особенно нравишься. Перед вами на столе стоят чашки. Пауза, делаешь глоток. Капнул немного себе на брюки, по-мужски неловко смахнул влагу...

Твое лицо крупным планом. Ты смотришь на интервьюера доброжелательно, но твой взгляд изменился после неосторожно острого вопроса, мгновенно став ледяным и колючим... Говоришь строго, в твоём голосе чувствуется решимость защищать и защищаться...

Если бы ты знал, как я любовалась тобой, замороженная взглядом твоих глаз, как умилила меня перемена в твоём лице, настроении, твоя строгость. Какую-то необыкновенно желанную силу я почувствовала за этим. Власть, которой хочется подчиниться каждой женщине, которой никогда ни за что не станешь сопротивляться. После этой передачи ночью я лила слезы в подушку. И тут же мне вспомнилась подруга. У нее был роман, и она рассказывала, как безудержно плакала тогда, думая о дорогом человеке. Мать же, увидев в каком состоянии дочь (Ангела не скрывалась от матери), закричала на нее в гневе и в страхе: «Ты сама не понимаешь, что случилось! Ты же влюбилась!» Мать знала сердечную тайну Анжелы и очень беспокоилась за нее.

Моя мать вряд ли увидит на моих глазах упоительные слезы любви, я никогда не была настолько откровенна с ней. И я думаю: стала бы она кричать на меня, даже если обо всем узнала? Нет, мне даже не представить такого.

Я не могу никому рассказать о предмете своих чувств, о том, что для меня нет ничего чудесней твоего лица, твоего голоса, улыбки. Но не об одиночестве я думаю – об упоительном счастье.

Предновогодний день, покойный, отрадный, как кружевная занавесочка на окне бабушки в детстве. Чувства приливают – будто дети вырвались из класса со звонком. Я думаю о тебе, скучаю, тоскую, глажу твою руку, целую ее.

И вдруг случилось совершенно необыкновенное! Я включила телевизор, будто предчувствуя что-то. Я не могла сперва поверить услышанному, но, нет сомнений, это произошло. А вот и ты – лицо у тебя словно нарисовано морозным узором, и эта занавесочка на окне... Град соленых, тяжелых слез. Слезы брызнули, будто выжали фрукт, давно готовый, созревший. Прилив чувств настолько силен потому, что я все время ждала этого события. Слезы щиплют мне щеки, я чувствую их соленый вкус, глотаю.

За моей спиной суется праздничных приготовлений. Мама и отец с нами, Новый год мы встречаем на даче. Очень много дел, я же уткнулась в экран и ничего вокруг не вижу. Меня, кажется, осуждают, ведь я хозяйка. Кто, как не я, должен готовить и накрывать на стол, нужно и детьми заняться. Уж если не сшила новогодние костюмы, то хотя бы понарядней малышей одеть. Невыученные новогодние стихи тоже на моей совести.

Мне бы суетиться на кухне, – будут, между прочим, еще гости, моя подруга с мужем, – а я не могу отойти от телевизора. Мне все время хочется быть с тобой. Трудно выразить это словами, но сегодня какой-то необыкновенный день, сердце открылось чувству. Так подействовал

на меня твой успех, ведь я жаждала его, я очень на тебя надеялась. Всё берedit душу: переживание эпохального события, ощущение новогоднегo праздника... Я вижу, что ты сам растроган, взволнован; у меня же постоянно глаза на мокром месте от счастья, от сладостной боли, от умиления, но разве я могу рассказать хоть что-то о своих переживаниях домашним...

Нам нужно еще кое-что купить в магазине. Недовольный, раздраженный муж грубо меня торопит. Спрашивает, и в голосе слышится претензия, почему, дескать, я грустная. Он, естественно, заметил плачущее выражение на моем лице. Я мотаю головой в ответ и пытаюсь улыбаться. Пробуя отшутиться, я говорю ему, что я не грустная, а романтическая, ведь на самом деле грусти никакой нет. «Ро-омантическая», – тянет он с иронией. Андрею, это мой муж, конечно, не нравится, что я никого и ничего не замечаю вокруг.

Ну вот – готова. Ногу в сапог, секунда – застегнута «молния», и за порог. На улице я как будто стала другой, о чем-то рассказываю мужу, смеюсь. Мне совсем не больно. Я не изображаю веселость. В предновогодних сумерках, на природе, рядом с Андреем я немного отвлеклась от овладевшей мною пленительной меланхолии. Я очень люблю своего милого мужа и с удовольствием общаюсь с ним. Здорово, что мы едем сейчас в магазин; вообще, заниматься с Андреем каким-нибудь делом необыкновенно приятно. Я люблю Андрея, но что же мне с собой сделать, ведь я полюбила тебя, и окружающий мир, все люди, и, страшно сказать, он, дорогой супруг, нужны мне только как фон моих грез, центром которых, душой, сущностью являешься ты.

Утро. Новогодний праздник позади. Все вместе вышли гулять – не сидится дома, хочется пройтись по морозцу. Больной отец ужасно медлителен; к сожалению, он будет всех задерживать. Наверное, именно потому, что чувствует себя обузой, на его лице угрюмо-обиженное выражение. Но у меня сейчас нет привычного раздражения на отца. Я волнуюсь, так что ноги немного дрожат, словно мы пройдем сейчас мимо твоего дома. Территория чьего-то загородного особняка окружена высоким забором, но все же видны окна верхнего этажа. На них ткань дремы. Очень покойно от этого кружевного узора, и так хочется знать, что же там внутри. Очень хочется, чтобы вдруг занавес шевельнулся, и промелькнуло чье-то лицо. Я верю, что это ты.

Чешуйки замерзших облаков на розовом небе. Скомканная чернота елей присыпана снегом, будто мукой. Бессонный день нового года; тянет на ходу приложиться к снеговой подушке, брошенной чьей-то уверенной рукой на треугольник еловой лапы. Розовеют сосновые стволы – цветные штрихи в убранстве зимнего леса. Снег скрипит под ногами. Лесная дорога расчищена. Резвится собака, она совсем не замерзла. Спокойно и безмятежно, как в детстве. Голоса друзей – будто бубенцы, падающие изо рта. Снег такой белый, а все почему-то одеты в темное. Мы сейчас придем в теплый дом, будем доедать салаты, пить вино. Интересно, что сейчас делаешь ты? Наверное, просто спишь.

Вечером первого мы сами приглашены в гости. Хорошо быть взрослой – никаких уроков, никаких экзаменов в новогодние праздники, как у детей хозяев.

Где-то далеко, в других странах, фейерверки, конфетти проливным дождем, веселье, море ликующих людей, – мы посматриваем телевизор, сидя за столом, – а у меня свое ликование.

Речь вдруг заходит о тебе, это я ее и завожу: не могу говорить ни о чем другом. Многие относятся к тебе вполне равнодушно и недоумевают, чем вызван мой интерес, – но одна женщина, мама нашего товарища, она всегда такая веселая и общительная – отзывается, как и я, о тебе с восторгом. Она очень милая женщина, в тонком лице ее есть что-то утиное, а глаза маленькие, больные, словно прошитые тончайшей нитью офтальмолога. Когда она улыбается,

а улыбается она очень часто, ее серые глаза становятся узкими, как два полумесяца. Об остальных могу только сказать: когда не любишь, тогда и не видишь хорошего.

А со мной делается что-то необыкновенное, я в эйфории. Я чувствую, как закручиваются белые вихри вселенной вокруг тебя.

Это время было совершенно изумительным. Я сердилась на окружающих, но, кажется, окружающий мир сделался тогда по-настоящему прекрасным. Сложно объяснить, что же было прекрасным, но, вспоминая, я чувствую себя счастливой, любовь перекрасила все в светлые тона. Никогда мне не забыть моих слез, встречу Нового года; для меня в этом мире самое главное – чувствовать, и я вдруг обрела тонкие, обжигающие, мучительные и прекрасные чувства.

В порыве таких переживаний влюбленные клянутся друг другу в вечной любви и верности. Ни за что не представить себе, что можно предать подобные ощущения, изменить им, выкинуть из сердца, сделать вид, что их никогда не было. Любовь меняет человека, и если ты стал другим, кажется, никогда не позабыть волшебной метаморфозы. Хотя, конечно, в жизни случается всякое, бывает, человек готов забыть того, кто подарил ему самые прекрасные чувства. Разрыв отношений болезнен и некрасив. Но что это я, в самом деле, о разрыве, в моем сердце течет бездонная река любви, и я не могу представить, что она когда-то иссякнет.

На работе я все время посматривала телевизор, и тут, представляешь, в самый неподходящий момент в мою комнату зашел Сергей, бросил взгляд на экран, посмотрел на меня искоса и сказал:

– А, это ты на... смотришь... – он назвал твое имя. – Он тебе нравится. Что это женщины на него западают? – И после паузы: – Так ты, значит, постоянно телевизор глядишь?

Нужно было слышать его тон.

Я даже не нашлась, что сказать. Я не понимала, оправдываться мне или обратить все в шутку. Последнее было, пожалуй, невозможно. Для меня любовь – это очень серьезно, и мне трудно высмеивать чувства.

В случившемся, понятно, никакой беды нет, но дело в том, что буквально на следующий день Сергей и Димочка явились в мою комнату и отключили телевизор. (Боже мой, Сергей вдруг обнаружил, что, включенный, он мешает делу!) Они сказали, что для каких-то работ нужна антенна. Что за работы, где они проводятся? И для чего может быть нужна антенна? Только для подключения другого телевизора. Но другого в нашем офисе нет, а мой никуда не переставляли. Он стоит теперь безжизненный, наводит на меня тоску и уныние. Скорее всего, это Сергей Игоревич решил укреплять трудовую дисциплину и таким деликатным, как ему показалось, способом лишил меня возможности весь день смотреть передачи.

Что и говорить, я была очень расстроена. У меня есть одна плохая черта: я не могу смириться с неустраивающей меня необходимостью, и, если правота другого ущемляет мои интересы, она мною не признается. Даже не могу передать свое бешенство и возмущение, свою ярость. Какие-то чрезвычайно важные, глубинные чувства, как видно, были задеты. Я чуть было не потеряла голову и не бросилась на своего директора с кулаками. Запретить мне любоваться своим героем – вопиюще несправедливо. Меня лишили чего-то важного, покусались на самое дорогое в моей душе. Эмоциональный выплеск был очень силен. Нет, я, конечно, не могла возразить своему работодателю, нагрубить ему, я просто выбежала на улицу, не помня себя. Добежав до ближайшего ларька, купила воды и прямо тут же ее выпила. На улице было морозно, но я не ощущала холода.

Эта пробежка немного остудила мой пыл. Я чуть-чуть успокоилась, произошедшее перестало казаться мне столь ужасным. Я утешалась мыслью, что дома-то уж точно смогу, любясь телевизионным изображением, общаться с тобой. Никто из сотрудников, кстати, и не заметил, что я была так сильно расстроена. Димочка меня только спросил, куда это я выходила и почему без одежды. Я только махнула рукой в ответ.

Я убедилась в том, что слова моего шефа Сергея Игоревича насчет влюбленных в тебя женщин не лишены смысла. Я, конечно, знала и очень этим гордилась, что люди любят тебя, но я как будто не понимала, что кто-то из представительниц слабого пола может испытывать к тебе те же страстные чувства. А ведь конечно, я могла предположить, что то чудесное первое волнение, интерес, который возник к появившейся на лучезарном олимпе персоне, могут у некоторых впечатлительных одиноких сердец перерасти в романтические переживания.

Однажды в воскресенье мы с Андреем были в кинотеатре, пришли посмотреть один нашумевший фильм. Дело было днем, и народу собралось немного.

Современный зал, отделанный серыми и голубыми панелями. Его речной полумрак будто уносил куда-то. Приятная музыка перед началом сеанса, а лампы над сценой источали белый, густой, как простокваша, свет.

Я сперва о чем-то задумалась, а потом, когда вернулась к действительности, – всё тогда показалось мне ярким и звонким, – уловила твое, столь знакомое мне имя в разговоре двух женщин, сидящих позади меня. Сердце мое бешено заколотилось, в глазах потемнело; еще чуть-чуть – и я бы потеряла сознание. Не оборачиваясь, я чутко прислушалась. Несколько раз я отчетливо слышала твою фамилию, и по тому, что они говорили, поняла, что речь идет именно о тебе.

«Такой интересный мужчина, – закончила одна диалог скороговоркой, как-то очень по-свойски, – хотелось бы с ним поговорить, пообщаться». Собеседница согласилась, и они замолчали, мне кажется, обе о чем-то задумались.

Я была поражена. Чувство, на меня обрушившееся, было не чем иным, как ревностью.

Придя в себя, я оглянулась, чтобы посмотреть, кто говорил. Две тетеньки средних лет. Одна довольно интересная, сидит прямо за мной, и потому мне очень неудобно – во всех смыслах – ее разглядывать. Я заметила только, что она в норковом берете, и что у нее ярко подведены глаза и накрашены губы, и это не делало ее вульгарной, а скорее украшало, потому что она сама от природы была яркой. Она улыбалась, немного приоткрыв рот, словно, думая о приятном, собиралась что-то сказать.

Ее же приятельница, та, что выразила желание познакомиться с тобой поближе, оказалась очень смешной дамой внушительной комплекции. Видно было, что она тяжело и неловко поместилась в кресло, ее пальто на спине топорщилось. С первого взгляда было понятно, что она относится к такому сорту людей, которые совсем не беспокоятся о том, как выглядят в глазах окружающих.

Уродливая шляпа из меха, не шляпа даже, а какой-то горшок с полями, а лицо примечательным делали разве что очки с очень толстыми стеклами. Глаза за такими становятся маленькими, добрыми, смеющимися, как у слона. Она ела печенье, крошки падали изо рта и висели у нее на губе и подбородке. Большой пакет с дешевым печеньем она держала на коленях. Он лежал на обшарпанной, поношенной кожаной сумке, больше похожей на авоську. Нос башмачком, на остренький его конец так и просилась бородавка, женщина в этом случае стала бы сильно смахивать на ежа.

По-видимому, я несколько дольше, чем полагается, задержала на ней свой любопытный взгляд, и женщина в свою очередь стала на меня смотреть, вопросительно улыбаясь, словно ожидая чего-то.

Я, было, открыла рот что-то сказать... Я, конечно, хотела заговорить о тебе, но не уверена, что не брякнула бы что-нибудь о печенье. Хорошо, что я все-таки сдержалась.

Вскоре начался сеанс, и я отвлеклась от соблазна разговориться с соседями. Впечатления от картины старались все пригладить в душе. И все же я не переставая думала о тебе и о том, что услышала.

Я уже не сердилась на эту даму. В душе моей не было негодования, обиды или ревности, к тому же она мне очень напоминала маму моего школьного друга, удивительно добрую женщину, – та была так заботлива и добра, что всякий раз, когда я уходила от них, и друг шел провожать меня, давала нам на дорожку пакетик с пирожками, и на носу у нее была бородавка, – ну разве я могла сердиться...

Ты должен сегодня опять приехать к нам в город, во второй половине дня. Если бы я знала хотя бы приблизительно час, то вышла бы посмотреть, как ты едешь.

В четыре начался сильный дождь. В центре города пробка. Может, это остановили движение, давая тебе дорогу, а значит, ты уже здесь?

Часам к семи погода улучшилась, светит солнце, в вымытом асфальте отражается небесная синь. Небо водянистое, будто в нем растаял лед. Похолодало.

Что-то мне говорит, что ты уже здесь. Неприкрытая тонкой зеленью акации, в маленьком скверике мерзнет нагая девочка-весна. Очень холодно. Приехав домой, включила телевизор. По одной программе сообщают, что ты должен прибыть сюда завтра, по другой – что ты уже прилетел. Ты неуловим, как льдинка в синеве. Белый серп месяца утонул в небесной воде.

Полдевятого сказали, что ты все же приехал. Значит, мои детки и матушка видели именно твою машину, несущуюся по проспекту вдоль парка. Черная машина и милицейские, синие и красные, мигалки. Их свет слезится от холода и сырости. Тебе в машине тепло и комфортно, как птенцу ласточки в гнездышке. Думаю о пользе вечерних прогулок с детьми: если бы я сама пошла с ними в парк, то увидела бы, как ты едешь.

Думаю о том, что ты будешь делать весь этот вечер. Тихо. Весенние сумерки бродят по дому, укрывая все серым сонным платком. За окном зябнут чуть зазеленевшие деревья. Шелковистые комочки вербы на тонких ветках. Через несколько дней Пасха. Ты собрался встретить ее именно здесь.

Следующий день. Выглянуло солнце. Воздух недвижим. Нарядная, торжественная архитектура дворца. Машины подъезжают к воротам. Вот они остановились у серых, с едва проклюнувшейся зеленой травой, газонов. Приветлив и подчеркнуто вежлив, ты встречаешь зарубежного коллегу у входа. Видно, что яркое солнце слепит глаза. Говорят, что погода еще изменится. Почти ничего больше не показывают.

На следующий день с приятелями была в Царском. Я просто сбежала из дома. К нам пришли мыть окна. Мама занялась детьми, освободив меня. Зная, что одна из твоих встреч пройдет в Екатерининском дворце, я приехала сама и друзей притащила в этот старинный городок. Остановившие нас за превышение скорости гаишники сказали нам, что ты будешь в районе полшестого и, скорее всего, прилетишь на вертолете. Пока ехали, погода начала портиться, небо затянули тонкие синие облака.

На Парковой, этой дивной улице вдоль рва, у ограды стоят человек двадцать, в основном молодежь. Уж не тебя ли ждут? Милиция не подпускает никого к главному входу. Мы вошли в парк в другом месте, здесь дорогу, к счастью, не перекрыли. Прелесть юной робкой зелени – пушок над губой юнца. Зеленоватая, бледная дымка старых дубов необыкновенно хороша на сером фоне пасмурного неба. Прохладно, но безветренно. Тихо... Так безответно тихо... Обаяние пасмурных весенних дней сродни твоему. Ни капли грусти – только тихая, неяркая, пленительная красота. За деревьями лань весенней встречи. Пугливо подрагивают ноздри. Ты скоро будешь здесь.

Обошли вокруг пруда – наш излюбленный маршрут. Всю дорогу разговаривали. Надо же, почти не думала о тебе, не волновалась. На душе покой, все так просто. Подошли к дворцу. Нет, я совсем не трепещу, но все же в душе теплится надежда тебя увидеть. Ко дворцу близко

никого не подпускают. За оцеплением пусто, клубится туман, и мне кажется – там как-то по-особенному течет время...

Мои спутники не расположены гулять, мы направляемся к выходу. Сейчас мы сядем в их дорогую машину и поедem обратно в город; там, наверное, как это у них заведено, пойдем в какой-нибудь ресторан обедать. Люди у ограды, встречающие тебя, остаются. Почему не осталась я? Ведь я же могла хотя бы издали на тебя посмотреть, хотя бы увидеть в небе твой вертолет. Но я совсем не грущу, мне кажется, будут еще другие встречи.

Однако у меня в душе рождается странное ощущение. Мы ехали просто гулять, они ехали просто гулять и я вместе с ними, говорили между собой о том, что ты приедешь, но все-таки ехали сами по себе, не особенно стремились тебя увидеть. О чем-то разговаривали в машине, о каких-то пустяках, обычная прогулка. Но я смотрела на зелень за окнами, за разговорами, тогда, когда нас остановили (особенно тогда, машина долго стояла, мы с подругой сидели в ней, ожидая пока окончится разговор ее мужа с инспектором), – и я, замечая прелестную юную зелень, – ведь эта пора продлится так недолго, совсем, как твой приезд, – думала о тебе, и сердце мое сладко замирало. Но эти пустые, пустые разговоры... А потом гуляли, просто гуляли, не рвались навстречу, не изнывали от ожидания, не трепетали от радости посланной кем-то надежды, счастливой возможности увидеть тебя. И уехали, уехали довольно быстро, замерзли, – подруга была очень легко одета, – и направились в ресторан. Неужели были так голодны? Неужели я не могла уговорить их перекусить на ходу, здесь же, никуда не уезжая, подождать?

Я не осталась. Молодежь осталась, а я нет. Мне просто очень хотелось пойти с друзьями в ресторан, покататься на их машине, и еще я боялась спорить с ними, отнимать у них время, разочаровывать, удручать своими проблемами. Я не смогла бы настоять на своем... Но как хорошо я помню этот день, эту дивную распускающуюся весну. Ты знаешь, когда я думаю о тебе, в моей душе всегда нежность, краткая, неописуемая, такая пленительная нежность весны, красота того дня, будто прекрасный сон, не отягощенный напрасными надеждами и ожиданиями. Я все сделала правильно, а твоя рука всегда в моей руке, у моих губ, у моей щеки, на моей груди, у моего сердца.

Ты любишь с гостями бывать в Эрмитаже. Там вам обязательно показывают часы «Павлин». Особый восторг и удивление вызывают движения механических животных. В этом есть какая-то магия, вид живой игрушки завораживает. Может быть, все оттого, что любому ребенку хотелось, чтобы его игрушка ожила и стала настоящим другом. С детства помню рассказ Куприна «Слон». Маленькая больная девочка Надя попросила у отца слона. Отец, конечно, сразу подумал об игрушке и, желая порадовать утешающего ребенка, тут же подарил дочери удивительного механического слоника.

Семья Нади была богатой: простолюдины не могли позволить себе подобные забавы. Наверное, многие дети были бы рады такому чуду – слону,двигающему хоботом, ногами, кивающему головой.

Но Надю не удивил механический слон, ей нужен был живой, из зверинца. Всем известен сюжет этого милого рассказа: любящий отец совершил, казалось бы, невозможное, и в гости к Наде пришел настоящий слон. Девочка после визита такого гостя выздоровела.

Что же нужно мне, чтобы стать счастливой? Что-то великое, удивительное – мне нужно, чтобы ты пришел ко мне. Неужели, когда все осуществится, я действительно сделаюсь другим человеком, неужели и вправду встреча с кумиром решит все мои проблемы?

Я приехала сегодня в город, встретиться с подругой, с которой давно не виделась. Ее зовут Настя, она живет на Петроградской стороне, недалеко от зоопарка. Настя редкий человек, к общению с ней стремишься. У нее есть дар слушать и слышать. Спокойная вода ее души принимает в себя переживания близких, оставаясь совсем не потревоженной. Удиви-

тельно приятно слышать в ответ нужное слово, понимая, что тебе сопереживают. Я, наверное, по сравнению с ней кажусь шумной, все мои эмоции – именно шум, разве я способна быть такой внимательной и заботливой, например, со своими детьми, как Настя? Она очень хорошая мать. Настя с необыкновенной радостью и легкостью принимает участие в жизни своей дочки, и это все без нажима, без утомительной лишней опеки, без скучного назидательного тона. Мою подругу не мучают несбыточные мечты, яркие, сладкие грезы... Мне хотелось быть такой, как она: терпеливой, умиротворенной, сдержанной. Как бы я желала быть таким же гармоничным человеком...

Мы, как обычно, о чем-то болтали с Настей, ребенок играл на детской площадке. Дочка Мариночка чем-то занималась со своими ровесницами, потом ей захотелось на горку, Настя пошла с ребенком. Я осталась сидеть на скамейке. Недалеко от меня сидела женщина, видно, тоже чья-то мамочка. Денек выдался довольно прохладный, мы в легких курточках. Холодно. Запах выхлопных газов от проезжающих по проспекту машин. Скрежет проходящих трамваев. Высокие детские голоса. Я даже не могу сказать, о чем задумалась в этот момент, просто внутренний штиль, но вдруг я, повернув голову, увидела рядом тебя. Ты был одет в темный плащ, сидел на скамейке, руки в карманах, и улыбался мне.

Наши мысли, фантазии – тайна для нас самих. Голова у человека вообще битком набита всякой всячиной. В груди умственного сырья, в этом присланном свыше порхающем разноцветном соре как-то нужно найти ценное, уловить, поймать ту единственную важную мысль, которая, может, перевернет жизнь. Я это к тому, что не могу точно утверждать, что этот день был первым, когда ты меня посетил, появился как живой в моих фантазиях, но поскольку в суе, непростительно невнимательная, я, возможно, не заметила тебя прежде, открытием стала именно сегодняшняя наша встреча.

В наших фантазиях время течет совсем иначе. Я не помню, как мы с тобой встали и пошли. Я очнулась только посреди дороги. Мы оживленно болтали, так вспоминают встречи, старых друзей, недавно прочитанные книги. Мне было восхитительно хорошо, именно такие чувства испытывают влюбленные в первую их встречу, тонкая эйфория нежных, восторженных переживаний. Я не могла на тебя насмотреться, мне очень хотелось к тебе прильнуть, в фантазиях своих я обнимала тебя... Но дело в том, что сами мои мысли о тебе были как будто прикосновением, приносили удовольствие, как от нежной ласки.

Самое удивительное, что мы говорили. Нет, я не о том милом трепе о друзьях и о книгах, тут я не слышала от тебя ни слова (очень интересная вещь наши фантазии), я все время говорила сама, и все же у меня было ощущение диалога: несколько раз ты, именно ты, задал свои вопросы – и, боже, какое счастье, восторг пронзили меня! У меня было полное ощущение, что я на самом деле с тобой общаюсь.

Это были странные вопросы. Может быть, они совсем не касались темы нашего разговора, но они прозвучали как гром среди ясного неба – и этот голос, его интонации, твое лицо, воображаемое мной, – сделали тебя для меня реальным.

Ты спросил:

– Какое варенье вы любите?

Я, конечно, не могла сказать, что вообще не люблю варенье, я тут же его полюбила и сказала, что вишневое.

Ты спросил еще:

– А вы отдыхали на Черном море?

Я призналась, что очень давно и только один раз.

Что это за вопросы? Но дело тут не в самом их смысле, а в той гипнотической тайной силе, которая передалась в их звучании. Так бывает во сне, когда приснившийся человек вдруг что-то говорит или спрашивает. Его слова приобретают особую важность, таинственность, которая потом бередит воображение, не дает покоя уму. С этой самой минуты я заразилась опасной

болезнью грез; я поселила этот твой живой образ в своем воображении, и самое страшное, что я полностью уверена, что тот, с кем я общаюсь, это именно ты. Нет, может быть, все не так уж и страшно; правильней было бы сказать: я, общаясь с твоим образом, совершенно уверена в том, что когда-либо увижу тебя воочию и буду с тобой так же душевно говорить и ты исполнишь заветные желания моего сердца.

Я засмотрелась на твой висок, волосы – и очнулась.

Я сижу на скамейке на детской площадке, ко мне направляется Настя. Сейчас они, по-видимому, пойдут домой, девочке нужно спать. Скучно. Через несколько минут подруга уйдет, и я буду вновь предоставлена сама себе. Полное одиночество. Кому я буду рассказывать, о чем мы говорили, как ты меня спрашивал о варенье и о Черном море? И потом, все будто уже подернуто дымкой... Запах города, гарь, выхлопные газы, сидящая рядом женщина развернула пахучую колбасу, ей, видно, так голодно, что не дотерпеть до дома.

Мне очень хочется обрести покой, счастье. Но я не вижу возможности обрести счастье в реальной жизни. Она пугает меня своей обыденностью, скукой, она враждебна мне. Мне кажется, я буду счастлива только с тобой, моим героем. Болезненная иллюзия, по мнению многих, но как мне с ней расстаться – не знаю, мне до смерти страшно остаться без своей мечты.

Я не знаю, но, кажется, именно с этой встречи, – а к моей фантазии я отношусь как к настоящей встрече, свиданию, – со мной стало происходить что-то особенное. Мать косится на меня зло, как будто она почуяла неладное, а я недоумеваю, что же в моем состоянии такого скверного. Я знаю, любовь может быть опасной, так, во всяком случае, всегда учила меня мать; но, во-первых, я уверена в своем благоразумии, а во-вторых, любовь-то особенная – ведь я общаюсь только с неким прекрасным образом.

В сарае, так я называю наш офис, как всегда, душно – никакие проветривания не помогают – и суетно. (Как сейчас все это стало на меня действовать...) Сергей Игоревич шастает туда-сюда, то ему нужна информация с Диминого компьютера, то нужно распечатать документацию, то платежку, то принять факс... Гоняет самого Димочку, недовольный, дергает меня, – уж эти его требования, – и так весь день, но если бы кто-то знал, как мне хочется остаться в покое и помечтать.

Через силу я делаю что-то, окружающее навевает тоску, в душе скука хмурого осеннего дня. В этом некрасиво признаваться, но даже мои сослуживцы, к которым раньше у меня были вполне дружеские чувства, Димочка и задавака Сергей Игоревич, стали казаться мне вдруг скучными, несимпатичными, посредственными, беспомощными. Полная бесперспективность.

Я сбежала на работу из дома, лишь бы не сидеть в четырех стенах – двое маленьких детей, рутина домашних дел; мне казалось, что мне нужна, как говорят, социальная жизнь, общение с людьми, общее дело. Но мне стало уже совершенно ясно, что в этой дыре, духоте (хоть бы вентиляцию починили и разобрались бы с центральным отоплением), с этими людьми я находиться совершенно не хочу, а все, что я делаю, кажется мне мелким, бессмысленным. Ощущение бесполезности, тщетности всех усилий.

Я однажды словно увидела себя со стороны – грустная, тихая девушка бледными, бескровными руками перебирает какие-то бумажки, и в этом столько тщеты, уныния. Грудь сжалась от жалости к себе.

Я не понимаю уже, доволен мной шеф или нет, каково его настроение. Скорее всего, мне просто все равно, что он обо мне думает. Положительно, он мне не симпатичен, уж слишком много мнит о себе. Если бы наша фирма была богатой и процветающей, но ведь она ничего из себя не представляет, еле сводим концы с концами. Не знаю, почему мне кажется все это унижительным. Кто-то и смог бы относиться к подобному просто, а вот я нет. Жуткая мысль, но эта жизнь кажется мне абсурдом, в котором я не желаю принимать участие.

Единственная отрада – это общение с тобой. Тут же, как приду домой, включаю телевизор. Конечно, я жду новостные программы. Андрей, похоже, удивляется, отчего это я вдруг стала интересоваться политикой. Он не догадывается, на кого я смотрю; я, понятное дело, скрываю свою привязанность. Сам он смотрит репортажи с твоим участием совершенно спокойно: действительно, что в этом такого – посмотреть новости. Я присаживаюсь, если есть возможность, подле (чаще всего приходится смотреть на ходу) и украдкой люблюсь тобой. Если бы кто знал, сколько прелести для меня в любимом образе. Какой радостью и трепетом он наполняет мою душу. Я мою посуду и разговариваю с тобой. Вытираю пол, глажу белье, вокруг бегают дети, а я как будто не здесь, все делаю машинально, никого не слышу, не вижу, только не иссякает поток моих слов, обращенных к тебе.

К нам пришли гости. Мы сидим за столом, муж достал мартини, нашелся апельсиновый сок, в холодильнике есть лед. На улице уже темнота, а оранжевая скатерть так сияет под люстрой, что кажется солнцем. Что это за состояние у меня: я уверена, что все сбудется. Любящие люди, как по мосту, идут навстречу друг другу, и я верю, что иду навстречу тебе. Друзья наши шутят, балагурят, делятся впечатлениями от отпуска (они были на Мальте), а я чувствую, что становлюсь понемножку равнодушной к ним, ко всем окружающим: они никогда не поймут моих чувств, не примут их всерьез.

Все сидят за столом, и скатерть сияет действительно каким-то необыкновенным сказочным светом свершившегося счастья. Ты стоишь на противоположной стороне длинного моста, мой шаг к тебе – это моя фантазия, но все равно обязательно мы с тобой встретимся, иначе не может быть.

Как это странно... Мой муж, видевший тебя во сне, моя мама – здесь, рядом, но у них совсем иное в голове. Андрей разговаривает с Сашей, нашим другом, они сейчас обсуждают Сашину новую машину. Саша очень симпатичный, вежливый молодой человек, к тому же невероятный шутник. Мама моя тоже сидит за столом, попивает мартини, что-то спрашивает у Марины, Сашиной жены. Ни с Андреем, ни с мамой этого не случилось, мир не перевернулся для них, они не потеряли головы. Что же произошло со мной? Ведь когда я смотрю на тебя, я чувствую себя пришедшей на бал барышней, которая ждет приглашения. Кто убедит меня, что приглашения этого никогда не последует?

Пойду на второй этаж, удалюсь в свою комнату. Андрей ужасно не любит, когда я без объяснения причин (отчитываться, конечно, я должна ему) покидаю компанию. Но что же мне сделать – мне скучно. Мне скучно с людьми и мне вольготно одной.

Как противно, когда тебя, прилегшую на диван, погруженную в мечтательную задумчивость, дергают. Это Андрей: «Что ты тут разлеглась? Тебя ждут внизу. Нехорошо так уходить».

Да, уходить от гостей, ничего не сказав, действительно неучтиво, но если бы кто знал, какое нетерпение живет в моем сердце – мне хочется подумать в уединении о тебе, помечтать. Как странно мне осознавать, что меня совсем не поняли бы, мое состояние показалось бы странным, я-то уверена, что речь идет именно о любви, об общении с любимым человеком.

Еще минутку полежать на диване, помечтать. Скрипнули ступеньки лестницы. Неужели Андрей идет за мной? Что-то там говорят внизу. Я чувствую себя напряженной. Никто из друзей не спросил меня, почему я бросила работу. Никому это не интересно. Конечно, наши друзья, как, впрочем, и мои близкие, не понимают истинного значения этого события. Да, я ушла из фирмы, в которой работала четыре года. Настал момент, когда я поняла, что больше работать там не могу. Я не знаю, что подумали бы обо мне друзья, узнай причину; моим близким, я, несомненно, истинной причины никогда не назову, но я ведь ушла сюда, в свой дом, в свой замкнутый мир, мирок – грезить. Любовь, поселившаяся во мне, спеленала меня накрепко грезами.

...Самые большие сложности возникли с моим отцом. Началась отвратительная сцена, когда моя мама решилась сказать, что я ушла с работы. Отец был категорически против: неужели его образованная дочь превратится в заурядную домохозяйку, квашню. Зачем, зачем я столько училась? Ведь он возлагал на меня большие надежды. Надо сказать, что училась я действительно хорошо, он хотел мне лучшей доли. Я пробовала объяснять, что сегодня женщина ничего добиться не может, все усилия бесполезны, но он кричал мне в ответ:

– Ты ничего не понимаешь в жизни! Это все твой бред! Твое скудоумие! А я тебе говорю, хотя ты не слушаешь: ты не раз пожалеешь о своем поступке. Какие у тебя перспективы? Кому ты нужна?

– Ну, послушай, Аркадий, – вступает за меня мама. – Ведь двое же маленьких детей. О чем можно говорить? Как ей со всем справиться? Она просто устала.

Отец отворачивается недовольно. Он, может быть, и согласен с этим доводом, но никак не может смириться с тем, что мечты его рушатся.

А я разъярена. Очень некрасивое чувство, я понимаю. Но ведь я столкнулась с прямой угрозой своему счастью. И именно отец является в этом моим врагом. А так хочется отринуть раздоры, окунуться в сказочную атмосферу отдыха. Боже мой, я на даче! Мне не нужно вставать спозаранку и куда-то нестись, корпеть целый день над бумагами в жалком офисе. Я могу быть свободной, и – самое главное – я с тобой. Я со своей любовью, со своими мечтами. Природа, подступающий к дому лес, летнее небо, голубизна которого закрыта бокастыми облаками, наш милый маленький садик, за которым так истово ухаживает моя мать... И ведь я не понимаю, я не слышу, когда мне намекают об этом, что весь этот мир, эта жизнь, на которую я обрекла себя, – сплошное одиночество.

Передо мной твоя фотография, ты крупным планом на журнальной обложке. Я очень люблю разглядывать тебя на фотографиях, угадывать по выражению лица твои мысли и всякий раз понимать о тебе что-то новое. С этим снимком мне особенно повезло. Я могу рассмотреть твое лицо и руку – ты сидишь, подперев рукой скулу, – во всех подробностях. Я вижу, что кожа у тебя на висках и на середине лба чуть отличается по цвету, например, от кожи на щеках, она немного желтовата. Крошечные поры на носу и вокруг. Я бы точно так рассматривала тебя, окажись я где-нибудь рядом с тобой, скажем, за одним столом – конечно же, незаметно для всех и для тебя.

Я вижу, что твои брови сначала идут ровно, а потом, пройдя полпути по краю над глазом, резко сбегает вниз; вначале они гуще. Ресницы у тебя ничем не примечательны, но зато очень интересный разрез глаз, такой тонкий изгиб верхних век, у самого края, снаружи, необъяснимый, притягательный. Я смотрю на то, как лежат волосы. Ухо плохо видно, но, как я могу помнить, у тебя красивые уши правильной формы. Мне также интересен рот, как ты сложил губы, немного их выпятив и скривив вправо. У тебя скошенный подбородок, утопленный, как будто лицо стесали от губ; это придает твоему лицу что-то особенное, такое впечатление, что ты что-то прячешь, держишь в себе, таишь. К тому же ты сидишь, немного опустив голову и смотря исподлобья.

На лице отражены эмоции – лоб немного наморщен, три морщины, изогнутые лодочкой посередине, четвертая порвалась, пропала в центре. С висков в эту лодочку сбегает морщинки, маленькие штришки.

И еще сложенная рука, валик на ребре ладони, а кончик мизинца розовый. Рука так близко, что можно разобрать рисунок вен на кисти.

Ты смотришь куда-то в сторону, но головы не повернул, просто сильно скосил глаза. По тому, что хорошо видны белки, подняты брови, наморщен лоб, можно догадаться, что ты в эту минуту внутренне напряжен, может быть, удивлен, – от удивления ты немного расширил глаза, – и мне кажется, ты в душе не согласен с кем-то, даже зол. Ты, наверное, ничего не сказал

вслух, просто подумал про себя, и если бы ты озвучил свои мысли, получилось бы что-нибудь нелицеприятное. Наверное, ты недоволен кем-то, ты считаешь, что кто-то слишком много себе позволяет. Выражение твоего лица – это выражение неодобрения, спора, за ним – это очень глубоко – скрывается сильное желание ответных действий. Ты решителен в своем намерении показать возмнившему о себе слишком многое его место, показать, что ты на самом деле первый, но ты не демонстрируешь этого, скорее скрываешь, смиряешь свое несогласие, даже гнев.

Я так долго смотрела на фотографию и так пристально, что, мне кажется, поняла тебя. У меня такое чувство, что я встречалась с тобой и наблюдала всю эту сцену в жизни. И становится странно при мысли о том, что ты ведь совсем не знаешь меня, даже не подозреваешь о моем существовании.

Твои чувства на глубине. Нет, твой взгляд совсем не грозен и не угрюм, наверное, мало кто догадывается о том, что ты на самом деле переживаешь и о чем думаешь. Посмотрев на эту фотографию, можно заметить удивление, иронию и – как будто – понимание, но о том, что прочла по твоему лицу я, не все догадаются, нужно внимательно вглядываться в зрачки, стараясь через них попасть внутрь. Понимание – на поверхности, смирение и покорность, а внутри – жгучее желание первенства.

Я выхожу на крыльцо. Запах флокс, а с ним всегда прилив чувств, распускающийся гладиолус; розы – белые, красные; георгины; а вот однолетние, питунии и циннии. Зеленая стрекоза садится на розовый гравий дорожки и тут же взлетает. Две бабочки порхают, играя. В робкой белизне их крыльев скрыта вся палитра цветущего летнего сада. Я думаю о тебе, я плачу. Но этого никто не видит; я, как и ты, сдержана и умею скрывать свои чувства. Я плачу в себя, лишь мои глаза немного покраснели. Мне невыносимо думать, что, оставшись со своей любовью, я осталась одна. Мои чувства живы именно потому, что я верю в свою мечту. Кому-то покажется, что я в страшном наваждении, но кто сможет отличить иллюзию от реальности в обычной, земной любви и кто мне скажет, что моя любовь – это что-то неправильное, бесполезное, вредное.

Часть вторая

Я люблю осень, хотя в это время года мне становится особенно тревожно. Мне становится грустно, когда я замечаю в траве у наших ворот, там, где много берез, желтые листья. Отчего такая горечь при виде их? Будто это осколки разбитого вдребезги, будто невозможна прекрасная чаша лета. Березы мало-помалу скоро совсем поменяют цвет, они линяют, будто зверьки, и желтая шерстка вытесняет зеленую.

Я всегда тяжело переживаю смену времен года, и зимы мне жаль, и лета, хотя лето я скорее не люблю. Отчего, не скажешь сразу. Может быть, из-за жары, слишком яркого солнца. Летом на меня нападает скука, мучает чувство одиночества. Летом внутренние хвори становятся какими-то особенно страшными, черными. Может, причина этому – детские впечатления. Летом в детстве я всегда оставалась одна. У моих родителей никогда не было собственной дачи, а чужую они не снимали, со мной все равно некому было сидеть, бабушка Берта была очень дряхлой, другая бабушка – Леля – не хотела ехать на дачу, да потом и она стала болеть.

Некоторое время я проводила летом с родителями в пансионатах или домах отдыха, сперва с матерью, а потом с отцом, и еще оставалась в городе, с Лелей, пока она была в силе. Но дело в том, что, подросшей, мне требовалось общение со сверстниками, а все разъезжались, и я оказывалась в одиночестве, один на один со своей тревогой, всегда мучившей меня.

Мне требовалось движение, жизнь, какое-то увлекательное совместное дело, чтобы ум мой был занят, чтобы не было ни душевного, ни физического застоя. Может быть, поэтому я всегда любила школу. Но летом школы не было, не было рядом никого из друзей, все разъ-

езжались, кто на дачу, кто к бабушке в деревню, кто с родителями на море... Я оставалась наедине с собой, со своими мыслями, страхами.

Я давно уже не ребенок, но лето действует на меня так же угнетающе, все та же тревога, от которой не отвлечься. Мы переезжаем на дачу, но отрада лета оборачивается мучительным застоєм, и в его плотном тумане неизменно рождаются страшные образы, будто моя боль, мой страх когда-то подмешался к лучам летнего солнца и теперь оно имеет такое неприятное свойство – подавлять меня.

Но в то же время я могу сказать, что очень ценю красоту лета, расцвет природы. Мне кажется, я обладаю острым чувством природы и все время нуждаюсь в общении с нею. Летом и у меня бывают чрезвычайно счастливые дни, яркие, безмятежные, полные упоительной радости. Может быть, это вообще самые яркие моменты в моей жизни, когда сама вдруг становишься умиротворенной, и все вокруг спокойны, веселы, всем довольны, никуда не торопятся. Ведь именно летом можно прикоснуться к природе всем своим телом, кожей, хотя бы через теплый воздух. Как чудесно сидеть и попивать летним вечером чаек на веранде и чувствовать, как теплый ласковый ветер овеивает обнаженные руки. Яркие, чарующие краски цветущих растений, пение птиц. Что, на самом деле, может быть лучше лета? Эти жуткие образы тревоги, переживаний одиночества, что поселились в одной сумеречной комнате души, только помогают почувствовать красоту цветущего пышного лета.

Я лежу на кровати, не дремлю, не читаю; мне плохо. Состояние угнетенное, я в раздразе, тревоге, страхе, что часто бывает со мной. Меня все время одолевают сомнения – правильно ли я поступила, оставив работу. В какой-то момент я ощутила прямо-таки панические настроения. Я поняла, что никому не нужна, что я совершенно одна, что я ничего из себя не представляю.

Открыто окно, я равнодушно смотрю на лес сквозь москитную сетку, слышу неунывающих пичуг. Они мне надоели, у меня болит живот, все болит. Что я могу в этой жизни – я просто жалкий, неуверенный в себе человек, слюнтяй, но как бы мне хотелось другого!.. Я восхищаюсь людьми, которые достигают желаемого. С какой радостью я смотрю на тебя, участвующего в самых важных мероприятиях, занятого такими нужными делами. Я вот тут сейчас лежу и булькаю своим больным животом, а ты не теряешь даром ни минуты.

Каким оно было, это лето – тяжелым или чудесным – так сразу и не скажешь. Когда чувствуешь, что к воротам подошла осень, сразу теряешься. Грустно смотреть на эту робкую нищую странницу, глотающую слезы. Но вдруг нищенка оказывается владычицей, скромный плащ сменяют богатейшие наряды. Забитый, унылый характер? Заблуждение! В осени столько воли, страсти, энергии. Я не помню больше о своем страхе. Что-то необыкновенное со мной произошло. Эта потребность на самом деле все время была у меня. Мне вдруг нестерпимо захотелось писать, все, что копилось внутри, вырвалось наружу. Сама не понимаю как, я оказалась у стола, достала бумагу и ручку. Словно в наваждении я вожу ручкой по бумаге. Невиданное облегчение приносит мне занятие творчеством. Неужели я буду думать о том, что так оправдываю свое бегство от реальности? Я изливаю душу, я вынимаю оттуда боль и радость, желания, которые никогда в жизни не могли быть утолены. Удивительное событие случилось со мной, это счастье оценят только влюбленные люди: я стала ближе к тебе. В каком удивительном мире я тут же оказалась!

Как это странно, что моей семьей продолжает быть та, в которой я выросла. Я чувствую, но моя любовь к тебе, измена, в общем-то, мужу, объясняется не плохими отношениями с ним, а какой-то другой, вклинивающейся в эти отношения, силой, и эта сила, я понимаю, идет от моих матери и отца. Мне хочется спрятаться от их отношений, и я прячусь от всего мира. Разве можно себе представить, что мой отец поймет, что такое вдохновение. Для него это

состояние – совершенно не существующая материя. Мой возвышенный настрой – неужели ему есть до этого дело? Он удивительно умеет испортить настроение. Он звонит с дачи, они с мамой еще там, и орет в трубку:

– Как вы, етит твою мать, могли не оставить ключ от сарая?! Мы должны теперь носить продукты из магазина в мешках! (Брезентовая тележка на колесиках осталась в сарае.) Чтобы ты приехала и привезла ключ, вот и все! Все равно лодыря гоняешь.

Нужно слышать этот тон. Да, ужасно, я действительно увезла случайно ключ, я отличаюсь рассеянностью, но за что же этот удар под дых? Я совершенно не могу так жить, я понимаю, какой жалкой, даже отвратительной я представляюсь многим людям, деятельным, активным, собранным. Я ругаю и корю себя за свои недостатки, я признаю, что я ни на что не годный человек, но так же я ненавижу и отца. Я не сравниваю нас (сама не знаю, почему, может быть, сравнение многое прояснило бы), он сам мне кажется никчемным, отвратительным, пренебрежительнейшим человеком, и все-таки в этом гадком смрадном месиве отрицательных эмоций и нелюбви живет, цветет пышным цветом, развивается, крепнет моя прекрасная мечта, моя нежная привязанность к тебе.

Я, конечно, привезла им ключ, сходила за продуктами. Мы вместе попили чай. Отец приставал ко мне с расспросами о работе Андрея. Нет, я абсолютно не могу разговаривать с этим человеком. Это как вязать из плохой пряжи (характер у мастерицы тоже при этом отвратительный): пока нитка хорошая, все вроде ничего, но только попадаетесь узелок – и тут же ругань, досада, раздражение.

– Доченька, – звонит он мне потом. – Я хочу поговорить с тобой. Поговори со мной. Вот что ты приготовила на обед?

Я ору в ответ, чтобы он от меня отстал, и бросаю трубку.

Самое страшное, что до меня даже не доходит, что он, в сущности, одинок, что ему хочется поговорить, что ему хочется поговорить именно со мной, потому что он меня любит. Мне его любви не нужно. Я стремлюсь во что бы то ни стало отделаться от разговора с ним и делаю это, конечно, ужасно грубо.

Опять настроение испорчено. Нужно как-то переключиться. Пока никого нет, можно попить душевно чаю. Самое благотворное действие на меня оказывает природа. У меня есть еще несколько свободных часов, навещу-ка я родные места, один чудесный садик, который, мне кажется, расположен даже не на земле – в райском месте, пусть этот рай и существует только в моем уме.

В моей памяти столько историй, связанных с тобой. Мне ни за что никогда не оказаться подле тебя и тем более не быть любимой тобой, но ведь я могу осуществить свое желание только так, как это умею, изложив историю на бумаге. Лист бумаги плоский, белый, но я будто не помню о его скучном однозвучии, сейчас я окунусь в пространство белого листа и окажусь в волшебном мире, полном красок, запахов, звуков, полном чувств, любви.

Я очень хочу любить, я хочу быть рядом с любимым человеком, касаться его, принимая.

Наши фантазии, мечты рождены нашей памятью. Мне кажется, тут, на бумаге, я на краю света, вообще в другом мире, но от себя не уйти. Я вдохновенно пишу, лобзая руки своей музы, несомненно, я сейчас нахожусь в ее волшебной стране, в которую она из сострадания ко мне меня пустила, но ведь я на самом деле не где-нибудь, а здесь, у моего прекрасного сада, на одной с детства знакомой улице. Осень, наверное, потешаясь надо мной, как мальчишка, сыплет мне на голову желтые листья. Мне не смешно, мне немного горько, горько оттого, что сад увядает. Я не люблю лето, но не люблю и разлуку, перемены. Новый жилец в этом доме. Я хочу познакомиться с ним, поднимаю голову и пытаюсь ему улыбнуться. Он исчезает за балконной дверью, я с тоской понимаю, что он никогда со мной не поговорит. Я иду по дорожке, вдруг как солнце – лучик надежды, и действительно, в этот момент и солнце выходит. Что-то непременно будет, случится, что-то ждет впереди, ничто не потеряно, нужно стре-

миться к исполнению желаний. Солнце пригревает. Мне становится жарко в своем мешковатом пальто. Я снимаю его и перекидываю через руку. Я в любимом темном костюме. Он похож на деловой, совсем не нарядный. Мне однажды сказали, что я в нем выгляжу как старая дева. Но сейчас на мне еще и яркий желтый шарфик, он необыкновенно оживляет мой внешний вид. Никакой нет старой девы – только ждущая любви, умеющая нравиться женщина. Недавно прошел дождь, на солнце испаряется влага. Жарко и влажно сейчас, и такой чарующий запах опавших листьев. Нет никакого увядания нынче. Я знаю, напротив, – расцвет, тайный расцвет, буйство необыкновенной любви. Как весной пахнет сирень, так сейчас благоухают желтеющие растения. Я расстегиваю верхнюю пуговицу блузки, так мне душно. Я ничего не стесняюсь, мне хочется петь, мне жарко, но в то же время легко, кажется, так меня разгорячило мое желание. Никогда из моей души не вырвать этого чувства – ожидания чего-то великого, прекрасную надежду. Я не грущу сейчас, я полна оптимизма, я довольна своей судьбой. Куда я иду – я просто иду к себе домой. Я сочинила, что мой дом как раз тот, что находится напротив старинного сада. Этот сад, как я уже говорила, с раннего детства бередил мое воображение и мне, конечно, хочется быть поближе к нему. Он – воплощение моей мечты, и нет ничего удивительного в том, что он рисуется мне тут же, как только я представляю себе свою счастливую жизнь с любимым.

Я сочинила, что мы с тобой поженились. Я легко на бумаге стала по возрасту равной тебе и оказалась рядом с тобой, моим любимым, некоторое время назад, тогда еще наша страна называлась Советский Союз.

Старая, неухоженная улица. Но мне милы все эти пейзажи, я их принимаю, не требуя большего, как принимаю тебя, своего избранника, простого человека. Дом выглядит на свой возраст, но как же он красив! Это достойная, благородная красота аристократа. Удивительная и эта парадная. Когда-то это был господский дом, в парадной сохранились старинные печи. На каждом этаже ниши для скульптур. Воображение мне рисует былое великолепие, потому что великолепно сейчас в моем сердце, ведь я рядом с тобой.

Мы живем в одной из комнат огромной квартиры, бывшей барской, теперь коммунальной. Я счастлива, несмотря на бедность и неустройство. Все мне кажется красивым, оттого что мне на самом деле доступны самые красивые чувства – любовные. Старая мебель, шаткий стол, дешевая посуда. Рухлядь? Но посмотрите, как красив этот изящный шкаф стиля модерн, как величественно, неприступно и открыто одновременно бабушкино зеркало на стене при входе. А наша кровать, она как старинная каравелла, что ходит по морю наших снов. Затейливы, милы, аппетитны ее украшения, шишечки, витиеватые набалдашники, как игрушки дитя, они провожают меня в сон.

Но я, желая приблизиться к еще большему совершенству, поддерживаю в нашей комнате порядок и чистоту. Вот это великое чудо случилось – нам с тобой соединиться. Я штопаю твои носки, ты подходишь ко мне и целуешь шейку за ухом. Мне необыкновенно приятно, ты так нежно делаешь это, я чувствую твои мягкие губы. Голова моя кружится, я шурюсь от удовольствия.

Старая обстановка, утварь, простая еда. Но для меня все исполнено великолепия, я не вижу ветхого, бедного, я люблю. Мне кажется, мы не ютимся в одной комнатухе, мы – августейшая чета, проживаем в огромном дворце. Старинный дворец, в нем сохранилось великолепие прошлых столетий. Лепнина на потолках и роспись, мраморные и резные с позолотой камин, драгоценный паркет. Здесь дорогое убранство, драгоценная мебель, на стенах живописные полотна, на полах персидские ковры. Я сама здесь не в простой домашней одежде, а в роскошном платье, в накинутой на плечи меховой тальме. Не штопаю носки, а вышиваю цветы, букет весенних фиалок. Я вижу это все? Как будто даже вижу. Я к нашей скромной обстановке отношусь так же, как к красивейшему комфорту. Не фаянсовая дешевая чашка в моих руках, а посуда из мейсенского фарфора. Мне вкусен самый дешевый чай. Я ощущаю вкус изысканного, потому что изысканны мои чувства к тебе.

Как описать вдохновенно и ярко мою счастливую жизнь? Нет никаких слов на свете для этой самой прекрасной, возвышенной, огромной, безмерной любви, ведь это любовь к тебе. Разве дело в богатстве, власти? Я ликую, как же здорово, что я нашла тебя, что ты любишь меня, и мы – семья! Упоительно наше общение, сердце поет, когда я вижу тебя, только подумая о тебе – и мне хочется к тебе прикинуться и никогда не отпускать. С милым рай в шалаше, будто мы живем не в жалкой коммунальной квартирке, а в прекрасном дворце, в прекрасном дворце наших чувств.

Мой хороший, ты приходишь с работы. Ты, наверное, сильно устал; я вижу, как посерело твое лицо, но глаза остаются живыми. Ты просто так же, как и я, счастлив, и разве можно, испытывая это головокружительное состояние, поддаться усталости, унынию бедности? Сколько там денег у нас осталось до зарплаты? Мы проживем, ни о чем не думай. Я изловчусь, из того, что есть, приготовлю тебе самый вкусный обед. Мне не нужно никаких особых нарядов, лучший наряд – твое ласковое прикосновение. Да, вот это самое главное – касаться любовно друг друга. Сколько скажет один твой лукавый взгляд, и как поддержит, развеселит твоя шутка. Самое ценное в моей жизни – твои эмоции, и какое наслаждение понимать, что твои радостные чувства принадлежат мне. Один шаг – и ты совсем близко, нежно меня обнимаешь.

Ночь. Светит в окно луна. Проедет грузовик, пройдет светом фар по стенам. Урчание мотора быстро смолкнет. Объятия и ласки в постели, ближе, как можно ближе друг к другу, забрать тебя себе всего без остатка. Я засыпаю у тебя на плече. Поцеловать его, упругое, гладкое, вдохнуть запах тела. Мы вдвоем непременно донесем негаснущую искру чувств до рассвета. День полон солнца, но самый главный свет у нас в сердцах.

Сегодня выходной, суббота. Никогда раньше не любила выходных, их безделья, их пустоты. Просто нечем было заняться, не для кого. Но сейчас все наполнено моим чувством, и самое удивительное событие – ты рядом.

Встаю первой, умываюсь, прихорашиваюсь перед зеркалом. Лежа в постели, ты смотришь на меня. Я замечаю, что ты не спишь, подхожу к тебе, целую.

Встаешь, когда я вхожу в комнату с чайником и кастрюлей с кашей, ты уже готов к завтраку. Тот, кто думает, что ты одиночка, замкнут в себе, не прав: ты, как все люди, стремишься к общению. Ты способен поднять настроение, создать его: все дело в твоей внутренней силе, у тебя какие-то очень уверенные эмоции.

Я вижу, как ты доволен, как сияет твое лицо, ты веселишь меня, ты легок на подъем, готов поддержать все мои начинания. Я прошу тебя сходить в магазин, сама я в это время наведу порядок и чистоту в нашей комнате, а потом мы ходим в кино. Ты собираешься, надеваешь свою курточку, берешь авоську. Мне так приятно смотреть на тебя, все время, что бы ты ни делал, даже когда ты просто переобуваешься. Ты, махнув мне, скрываешься за дверь; я улыбаюсь, мне все время хочется петь, петь о том, что я люблю тебя.

Мы все-таки попали в кино, отстояв огромную очередь за билетами. Наш советский фильм был очень хорошим, но, как обычно, грустный конец, в общем-то тяжелая история – о том, что жизнь непроста, что человеческая доля горька, да все как обычно. Я немного расстроена, люди, выходящие из зала, тоже невеселы, но никто не думает, что простоял два часа за билетами зря, мы привыкли к таким фильмам, книгам. По твоему лицу сейчас не понять, опечалился ли ты, какое впечатление произвело на тебя увиденное; мне кажется, ты не поддавался унынию, взгляд твой ясен, я чувствую, что ты собран, уверен в себе.

Дойдем до дома под мелким дождичком, завтра еще один выходной, поедем гулять в какой-нибудь парк, потом опять утомительная суета рабочей недели. Что бы делала я в этой жизни без твоей любви...

В понедельник я проводила тебя на работу, ты всегда уходишь чуть раньше меня. Какой-то особенный день был, прозрачные серые облака закрыли солнце, но оно все равно, как сквозь

шифон, льет на землю свой свет. Волшебное состояние природы, что-то загадочное в нем есть и заманчивое, какая-то скрытая тайна и в то же время радость, воодушевление.

Может быть, это состояние природы так действует на меня, но, может, каким-то шестым чувством я уловила сегодня перемены в судьбе, я совершенно не знаю, что мне о них сказалось. Но я не могу отделаться от ощущения, что отныне все будет не так, не по-будничному, не привычно. И это связано с тобой.

Ты вышел из парадной, я слышала, как хлопнула входная дверь. Идешь по улице, удаляясь. Я открываю окно, мне хочется посмотреть тебе вслед. Свежий ветер влетает в комнату, мне становится весело.

Я иду на работу, за делами отвлекаюсь от своих ощущений и забываю о том необыкновенном чувстве. Работа моя требует сосредоточения, я лаборант в научной лаборатории. Потом, в обеденный перерыв, мы с Зиной, Зинулей, моей коллегой, идем в буфет, там весело общаемся. Я сперва начинаю ей рассказывать о давешнем фильме, но она не больно хочет слушать эту грустную историю и переводит разговор на своего знакомого, остряка, балагура. Зина сама очень веселый и энергичный человек, она полностью завладела моим вниманием. Все впечатления утра уходят куда-то вдаль.

Вот я дома, приходишь и ты, и я, только увидев тебя на пороге, снова ощущаю прежнее волнение. Не может быть, что это только обман, уж слишком сильно и мощно переживание. Ты невозмутим, молчалив, медленно ешь свой ужин и, отодвинув пустую тарелку, смотришь на меня по-особенному внимательно и серьезно, но я чувствую за этой серьезностью радость. Ничего мне не говори. Я знаю, что нас ждет дорога, может быть, она будет долгой, тяжелой, нам предстоит нелегкий, но удивительный путь, борьба, испытания и долгожданный взлет. Ты – мой муж – станешь в конце концов королем.

Не могу это выразить, объяснить, но в тебе, твоим характере, самих твоих глазах, их разрезе чувствуется могущество, мощь, сила, удивительно быть рядом с тобой, как хорошо быть рядом с тобой.

Я напишу книгу о том, как мы с тобой шаг за шагом прошли этот путь, выдержали все испытания, перетерпели невзгоды, думая только о счастье, счастье видеть друг друга и стремиться к высотам. Это будет удивительная книга, мне кажется, каждым своим мускулом я ощущаю напряжение той борьбы, всеми фибрами души порыв, желание, нет, не возвыситься, а сделаться лучше. Я совершенно искренна в чувстве к тебе, для меня главное прожить жизнь рядом с тобой. Неужели мою искренность, мою истовую любовь не оценят? Моя книга обязательно станет бестселлером.

Моя сладкая мечта – оказаться приглашенной к тебе на прием, по случаю ли твоего дня рождения, либо на какой-то другой праздник, ведь это и будет означать, что, прочтя написанную мной книгу, узнав о моих чувствах, ты меня понял и дал мне шанс получить ответ, выраженный хотя бы в одном твоём взгляде.

Я в роскошном зале, где царит приподнятая, торжественная атмосфера. Мои ноги дрожат от волнения. Как мне приятно быть здесь, я чувствую гордость и легкость, и вдруг замирает сердце – я понимаю, что сейчас покажешься ты. И вот тыходишь к собравшимся, тебя окружают нарядные люди, всем хочется поговорить с тобой, добыть хотя бы крупинку твоего внимания. Об этом мгновении помнят всю жизнь. А я, как водится, растерялась. Совершенно онемев от волнения, от счастья, я не могу двинуться с места, не могу протиснуться туда, поближе к тебе. Мне неловко обнаруживать свои чувства. Я столько ждала от этой встречи и вот не могу даже к тебе приблизиться, не то что заговорить. В глазах потемнело, я даже не заметила, как ты скрылся. Я еще ничего не чувствую, не понимаю пока, что ужасно разочарована, что села в лужу, подтвердив свою полную неспособность осуществить заветное желание.

Поодаль от всех я пытаюсь пить шампанское, что всем преподнесли, хочется утолить внезапно возникшую от волнения жажду. Наверное, потом я буду горько рыдать. Вдруг какое-то движение вокруг, серьезного вида молодой человек, внезапно выросший рядом, мне говорит торопливо: «Обернитесь!» Я, мгновенно покраснев от волнения, оборачиваюсь – и вижу тебя! Ты подошел, чтобы поговорить со мной отдельно. Ты не увидел меня в общей толпе, но тебе хочется уделить мне внимание. Я вскрикиваю от изумления – и счастья. Ты, видя восторг на моем лице, благодарность, в ответ лукаво, понимающе улыбаешься. Если бы ты знал, как я счастлива, как я люблю тебя...

Оберегаемые охраной, мы вместе выходим из зала, направляясь в одну из гостиных для беседы. Собравшиеся, заметившие это, заинтригованы; с каким любопытством, интересом, с какой завистью они смотрят на меня...

Мы скрываемся за дверью. Что там будет? Как бы мне хотелось, чтобы эта дверь по-настоящему существовала. Бывает ли такая – дверь из мечты в реальность? Я более всего хочу испытать боль от ожога реальности. Я ужасный человек, ненормальный, больной; я, кажется, по-настоящему ничего не чувствую, все разговоры о нежных, святых чувствах к детям, к мужу – не более чем дань воспитанию и традициям. (Ужас!) Я могу по-настоящему ощущать что-либо только к тебе, любимому образу, представляешь? Весь остальной мир я вижу словно через стекло, но ты – тот, что бесконечно далек от меня, тот, кто совершенно нереален, нереален для меня, для моей жизни, – воспринимаешься мной невероятно близко, естественно, тепло.

Я в который раз сделаю это шокирующее признание: я люблю тебя, но в то же время еще не до конца сгнившей половинкой разбитого арбуза, моего больного сознания, я понимаю, что очень-очень хочу жить, любить по-настоящему близких людей.

Я откуда-то знаю, что дверца в тот, почти чуждый для меня реальный мир – это та дверь, за которой обитаешь живой ты, дверь той гостиной, в которой может состояться наша встреча. Ведь когда я соприкоснусь с тобой, самым что ни на есть реальным, – ведь я тут же смирюсь с тем, что ты немного не такой, как я тебя представляла, – произойдет чудо, и я излечусь от тяжелого недуга. Я и сама толком не знаю, как называется мой недуг, что это за недуг – комок болезненных амбиций? бессилия? безумных иллюзий? – но я уверена: избавить меня от этого можешь только ты. Ты – живой – разрушишь мои иллюзии, и этот красивый, но совершенно мертвый мир рухнет, и на его месте появятся реальные, яркие образы.

Я ужасно волновалась перед этой встречей, приемом в твоём дворце. Много гостей, а мне, всегда требующей исключительного к себе отношения, особого внимания, кажется, что я затеряюсь здесь, останусь незамеченной, что я не очень-то и нужна тут, что меня не слишком ждали. Это ты – один, единственный, желанный, а я – одна из тех, кому прислали трафаретное приглашение. Можешь себе представить, я еще думала, ехать мне или нет. Внутренне ужасно мучилась, но никому не говорила о своих терзаниях, меня бы никто из домашних не понял, осудили бы. (Так и слышу укоряющий тон матери: «Ну, знаешь ли... Тебе оказана такая честь, а ты придираешься. Нужно уметь радоваться!») Хорошо ей говорить, поучая других, что нужно уметь радоваться – ведь именно Валентина мастер тяжелых вздохов, именно на ее лице очень часто написано, что все в этой жизни напрасно, все равно, как бы ни старался, ни бился, ничего не добьешься.

Я думала, ехать или нет, потому что мне было обидно. Я обижалась на тебя – неизвестно за что. Словно ты совершил какой-то проступок и чем-то задел меня, и я хочу своим невниманием тебя наказать. Какая я дурочка, будто ты заметишь мое отсутствие! Может быть, и заметишь, но не сильно расстроишься. Какая мелочь – писака не явилась, тоже мне повод переживать и обижаться, инцидент международного масштаба. Если ты станешь брать в голову такую чушь, как непочтение какой-то фифочки, совсем сойдешь с ума от нервных нагрузок.

Если бы ты знал, как я готовилась к этому событию! Я все-таки была рада приглашению, возрадовалась, пусть я буду просто веточкой среди общего веселья, тоненькой, незаметной. Я пошла в салон красоты приводить себя в порядок. Я сделала себе маникюр и зачем-то педикюр. Я привела в порядок свои брови. Уже перед самым приемом я сделала себе прическу. Я надела свое самое красивое белье, свои самые модные наряды. Мне не соперничать с королевой, но мне, как всякой женщине, хочется украсить себя и я украшаюсь по мере возможности.

И вот прием. Я, конечно, ужасно растерялась, я не смогла к тебе подойти, я чуть не плачу – и тут происходит самое большое в моей жизни чудо. Это чудо как сама жизнь, ведь это шанс мне, почти что мертвой, ее вновь обрести; я вдруг получаю то, чего хочу, то, чего жду, хотя я жду очень многого – ты подходишь ко мне и уводишь меня за ту дверь.

Боже мой, какое сладостное переживание – шажок, и еще шажок за тобой! Я иду как по небу, как по облакам, меня несут крылатые башмачки любви. Я уже, кажется, излечена самой этой эйфорией. Наслаждение наполнило все погреб и подвалы моей души, мне теперь хватит на много лет удовольствия; наверное, я смогу им жить всю жизнь. Это удовольствие поверить в себя, в свою мечту. Я понимаю, что я безумно занеслась в своих чувствах, полюбив не кого-нибудь, а тебя, но что же мне делать с собой, с несчастной, уже не девочкой, любящей принца.

Я вожу своих малюток еще и в музыкальную школу. Там иногда распространяют билеты. Как-то предложили билеты в консерваторию, в концертный зал. Всего пятьдесят рублей. Исполнители были мне незнакомы, – впрочем, я мало кого из отечественных современных музыкантов знаю, только именитых. Не слышала я раньше и этих произведений Брамса, – слушателей ожидали сонаты для скрипки и фортепиано, – поэтому никак не могла настроиться на концерт. Из скромной рукотворной афиши было известно, что играть будут: скрипка – лауреат международных конкурсов, и фортепиано – заслуженный артист России, профессор. Фамилии у музыкантов были одинаковые, мне еще Ангела Викторовна, наша преподавательница, сказала, что это отец и сын.

Открыли зал, который стал постепенно заполняться. Можно было садиться на любые места, и все, понятно, стремились занять более удобные. И вот вышли музыканты. Отец сел к фортепиано, молодой человек, он был со скрипкой, встал, как полагается, возле. Молодой человек этот оказался обаятельным, яркой наружности, типичный музыкант, романтик. Высокий, стройный, темные длинные волосы, тонкое красивое лицо. Он был совсем не похож на отца. Отец – невысокий, в очках, с невыразительным, хотя и приятным интеллигентным лицом.

Я думаю, отец был рад аккомпанировать сыну. Любой родитель хочет гордиться за ребенка, это чувство еще острее, чем гордость за собственные достижения. Дитя – уже достижение, а тут еще и талантливое, и трудолюбивое, и воспитанное.

Я очень люблю музыку, хотя, кажется, совершенно не умею ее слушать. Я просто в ней растворяюсь, я – под ее струями, как под душем, не разбираясь, где выше, где ниже, не спотыкаясь и не рассматривая муху в янтаре. Музыка для меня не статуя, не дом, не картина, это среда, как вода или воздух. Наверное, поэтому мне так легко слушать музыку, я ее не изучаю своим слухом, а ношу, словно шапку.

Мне очень понравились исполнители, молодой же человек, скрипач, на первом плане был и вовсе выше всяких похвал. Он шумно выдыхал, играя, похоже на то, как делают теннисисты, – я не думала, что так делают скрипачи, возможно, это какая-то индивидуальная особенность, – поначалу это немного мешало слушать. Мимика скрипача, его вытягиваемые губы казались продолжением смычка, словно и с них тоже капала музыка. А сама музыка была как живые, пойманные где-то в неведомой страшной пучине рыбки. Рыбок этих пустили

в ведро, их можно рассмотреть и даже попробовать схватить рукой, но они перед вами именно благодаря этим людям, которые могут совладать с этой страшной безумной бездной.

«Вам понравился концерт?» – спросила у меня Анжела Викторовна. Я ответила, что очень довольна. Она мне призналась, что музыканты эти и вправду очень хорошо играют. Анжеле Викторовне можно верить.

Сама она непростой человек. Яркая, эмоциональная, эта еще довольно молодая женщина обращает на себя внимание и внешностью, и манерами. Привлекательность таких людей не проходит с годами, это какая-то внутренняя энергия, сексуальный свет. Лицо Анжелы Викторовны может показаться простым, но не простецким. За некоторой грубостью формы скрыто благородство. Я очень люблю такие лица. В них, прежде всего, светится ум, умные чувства. Люди искусства все очень непростые, особенно те, кто по-настоящему одарен. Но из этих последних не достигшие желанных высот, не добившиеся славы становятся зачастую тяжелыми, тяжелыми в первую очередь для себя.

Анжела Викторовна с первого раза не очень понравилась мне, показалась излишне экспрессивной, даже можно сказать агрессивной. Если сравнивать с животным, то скорее хищник, пума или львица. Чувственный пухлый рот, рыхловатое лицо, блестящие большие глаза – она сразу производила впечатление человека эмоционального и напористого. Меня сразу насторожила идущая от этой женщины какая-то отрицательная энергия, скрытое недовольство, установка на конфликт. Я не знаю, как я это поняла, наверное, просто интуиция, шестое чувство – а оно, говорят, мне присуще – в дальнейшем все подтвердилось. Негатив, идущий от взрослых, совсем не нужен детям. Я начала беспокоиться, но к чему я могла апеллировать, не к собственной же мнительности. И потом – кто может судить чужую душу? Я, наверное, точно уловила состояние души этого человека, но как я могу это утверждать и винить Анжелу Викторовну в том, что она кому-то вредит. Если кому она по-настоящему и вредит, то только себе самой.

Как-то в музыкальной школе проводился концерт, и мы неожиданно оказались с Анжелой Викторовной на соседних креслах. Анжела Викторовна возмущалась концертом. Обязанность, наскучившая с детства. Чувствовалось, как она раздражена и нетерпелива. Для нее хоры со сцены о любимом городе и о счастливом детстве – как зубная боль. Наверное, Анжеле Викторовне нужно было куда-то бежать, но как преподаватель она должна была присутствовать на концерте. Мы в полголоса под звуки песен поговорили немного о моих детях. Мне, конечно, как матери было очень приятно завести об этом речь, к тому же услышать о них лестные отзывы; говорили и о том, что нужно срочно покупать пианино, еще Анжела Викторовна спрашивала, как ей найти побыстрее с малышами общий язык. Я, конечно, стала рассказывать, что дети у меня сложные, что они не терпят нажима, что с ними нужно разговаривать буквально вкрадчивым тоном. «Даже так?!» – живо отреагировала преподавательница. Я говорила как-то очень медленно, плохо подбирая слова, я просто перед ней пасовала, она же была очень уверенной, даже резкой, но речь ее была без сомнения умной. Она действительно говорила очень образно и остроумно, не то что я, мямля.

В разговоре выяснилось, что у Анжелы Викторовны муж филолог по образованию, а дочка стала первой на городской олимпиаде по литературе. Анжела Викторовна выпытала у меня, чем я занимаюсь; надо признать, было это не сложно, я без долгих колебаний призналась, что пописываю. Она этим очень заинтересовалась. Разговор происходил на фоне концерта, и мы не могли говорить постоянно и громко, практически одни обрывочные фразы. Анжела Викторовна призналась мне в свою очередь, что зашла в своей жизни в тупик, утратила всякие ориентиры. «Кто я?.. – произносила она. – С скромный учитель музыки. Если бы вы знали, какие светили мне перспективы...»

Мои опасения насчет будущего Анжелы Викторовны все-таки подтвердились. Я в этом подобна цыганке, которая пророчит судьбу, опираясь единственно на свои ощущения о состоянии человека. Если улавливается внутренний разлад, душевное неблагополучие, то жди беды.

За свои черные мысли мы платим происходящим в жизни несчастьем, наша отрицательная энергия разряжается на нас же. Нет, я не читалась эзотерической литературы, я это просто сама очень хорошо чувствую. На Анжелу Викторовну поздно вечером, но в довольно людном и освещенном, как она говорит, месте напали грабители. Четыре человека потребовали сумку и ценности. Бедная женщина начала с нападавшими драться. Вот где был выплеск эмоций, агрессии. У нее все отняли, порядочно потрепав.

Пишу все это, и только сейчас задумалась: а зачем? Зачем тебе эти истории, рассказ о нашей учительнице музыки? Что я всем этим хочу сказать? Может быть, мне просто хочется поведать тебе о нашей повседневной жизни.

Передо мной одна твоя фотография: ты в спортивной форме, куртка расстегнута, виднеется голый животик. Мне очень нравится твой животик, но все-таки не это привлекает мое внимание. Твое лицо, как всегда, его выражение – мой основной интерес. Сфотографирован ты немного снизу, кажется, что смотришь ты куда-то вдаль, на кого-то, кто привлек в эту минуту твое внимание, кто даже чем-то насмешил, вызвал иронию. Твой взгляд передает чувство превосходства, но сейчас это не злой настрой на схватку, это – когда считаешь, что и биться-то не с кем. Нет врага по-настоящему рядом, то, что пугает, на самом деле не страшно, а смешно, жалко. В твоём смехе не слышно жестоких ноток, ты насмехаешься без издевки, с пониманием положения проигравшего. К чему же я все это пишу? К тому, что мне кажется, расскажи я все это тебе, ты посмотрел бы на меня так же. «Чего? Чего? – спросил бы ласково и властно ты. – Что ты там такое несешь о себе и о других? Все твои страхи не стоят серьезного внимания. Я не буду биться, я напрасно надел спортивный костюм. Что ты себе напридумывала, хочешь еще и мне заморочить голову». В твоей позиции я не чувствую пренебрежения, равнодушия, ты по-настоящему силен и не привык биться с духами. Ты легко одолеешь этих духов чужого недовольства и страха одним своим словом, показав, что это для тебя не враги. Ты тут же прогонишь их, дав понять, что существенно, а что нет, чего нужно бояться, а чего не следует. Но ты ведь не отмахнешься от меня, проявляя жестокое безразличие к моим чувствам. Ты поймешь меня, успокоишь, своей уверенностью и меня сразу сделаешь сильнее.

Известно: мы, женщины, любим сделать из мухи слона, раздуть проблему. Что и говорить, эмоции захлестывают. Я уж точно настроена на негатив: знаешь, из детства вынесла я образ таких – жалующихся, страдающих, вызывающих к справедливости женщин-интеллигентов. Одной из них была моя мать, может быть, как раз ей я и подражаю. Мне, глупой, хотелось привлечь твое внимание, тронуть твою душу ни чем-нибудь, а страшным рассказом о злоключениях бедной женщины, учительницы музыки. Понятное дело, надрыв тебе не интересен, такой тон на самом деле никогда не только не трогал мужчин, а даже отпугивал. А у современного супермена эти рыдания вообще вызовут омерзение. Подобное отношение к жизни, где главное – неизбежная боль, мягко говоря, устарело. Более того, оно неприлично, как объедки на столе.

Мне более всего страшно, что все мои переживания, весь мой внутренний мир, мои чаянья, нужды, моя жизнь, наконец, для тебя ничего, абсолютно ничего не значат. Да, страшно именно то, что я, такая как есть, буду совершенно не интересна тебе. Не интересна как безнадежно отставший от жизни, несовременный человек, к мнению которого можно не прислушиваться, и поэтому я буду не интересна тебе и как женщина.

Меня мучает мое честолюбие. Пластинку заело на самой сладкой ноте – греза, когда я среди приглашенных к тебе на прием. Боже, какие особы: знаменитейшие, заслуженные люди... (Но неужели мои страдания не смогли бы мне принести подобных регалий? Нет, все страдания напрасны.) Деятели искусства, режиссеры, актеры, музыканты, ученые, академики. Они напыщенны, они важничают, потому что их вот-вот подпустят или уже подпустили к ручке. Они чрезвычайно горды твоей высокой оценкой, ведь их пригласили сюда, и, увы,

мной, забредшей на этот прием хотя бы даже в мечтах, очень явственно ощущается совершенно определенное настроение. Мне бы хотелось, чтобы тут витал дух уж если не пламенной любви к тебе, то – благодарности, верности, бескорыстной преданности... Но разве нынче кому-то есть дело до бескорыстия? Настроение, царящее здесь – желание ухитриться во что бы то ни стало решить свои проблемы, получить нужные разрешения, необходимое финансирование и тому подобное.

Мне же, дурочке, ничего не нужно кроме чувств, но в этой кутерьме (ведь к тебе не подойти, не прорваться, а я никогда не умела работать локтями) я не могу хоть как-то проявить себя. Я что-то скажу о чувствах, на меня посмотрят недоуменно, это будет досадная пауза, а потом продолжат свою борьбу за место под солнцем. Боже мой, как же я несовершенна...

И тут ты, супермен в спортивном костюме (вдруг появляется на тебе спортивный костюм) – атлет, мужественный человек, прекрасно ориентирующийся в современной жизни, расчетливый, умный и ловкий – протягиваешь мне руку, касаешься моего лица. «Что-что? – говоришь ты строго, ласково, нежно мне. – Что ты там напридумывала о своей учительнице? Как бы ни было страшно вокруг – я здесь, я с тобой».

Пианино мы, наверное, не сможем купить.

Андрей в последнее время выглядит очень озабоченным. Что-то не ладится у него с работой, денег становится все меньше. «Пианино мы пока покупать не будем», – сказал он четко, уверенно, даже резко. Он обычно ни в чем не отказывает ни мне, ни детям, и если уж ему приходится говорить в таком тоне, значит, перспективы действительно неважные. Мне всегда становится ужасно страшно, когда я думаю, что мы можем остаться без денег. Я сама не могу объяснить причину своего страха. Поймут ли меня другие, если я скажу, что с этим я боюсь потерять тебя, чувствую, как ты от меня удаляешься. В душе ощущение ужасного несчастья, и через горькую слезу я вижу пленительный образ человека, к которому не подойти, не приблизиться никогда.

Господи, моя душенька, спустись ко мне с неба, возникни передо мной! Мне кажется, мои чувства уже сильны, как вздувшиеся мышцы, осязаемы, как плоть; еще немного – и ты явишься мне, явишься, потому что я так этого хочу. Я жажду услышать твои слова, интонации твоего голоса, увидеть твою мимику, мне нужно, чтобы передо мной жемчужинами искрилась твоя улыбка.

Все знакомо: наша квартира, детская комната, оклеенная зеленоватыми обоями, скучный, хоть и новый, египетский, но все равно досадно напоминающий советские времена, ковер на полу, мы его постелили, чтобы было тепло детям. За окнами старушечья немощь поздней осени, она оглохла, в ушах вата серых облаков, не слышен даже шум машин, проезжающих по улице, в стеклах – мое растерянное отражение... И вдруг какая-то возня в передней, наш страшный Гектор кого-то приветливо встречает.

Входишь ты. Мир меняется.

Я не знаю, не могу объяснить четко, что это значит. Вот ты передо мной, я вызвала тебя своей тоской, своей неистойвой любовью сюда, в эту комнату; ты такой же, как я, я могу болтать с тобой о всяких пустяках. Если бы ты знал, что все мои мечты по большей части это невиданная чушь болтовни о всяких бытовых мелочах с тобой. Неужели я так глупа, неинтересна, что даже в мечтах остаюсь при своей мелкой повседневности? Но дело в том, что в жизни-то для меня этой повседневности вообще нет. Моя мечта – это с кем-нибудь обрести ее, поговорить о ней, о ней заботиться, но суть этой мечты – чтобы делать это с тобой. И еще я почти наверняка знаю, что так же много женщин хотят поделиться не с кем-нибудь, а именно с тобой своими мыслями о детских колясках, ассортименте ближайшего магазина, недавней поездке в Турцию и тому подобной ерунде.

Но наша мечта все-таки совсем не эта реальность. Призрачная граница незаметно, легко, совершенно естественно может быть пройдена. Да и нет никакой границы – я и здесь, и там. Я – здесь, в своей комнате, с тобой, пришедшим ко мне в гости, и одновременно я сама у тебя в гостях, наслаждаюсь комфортом в покое уютных гостиных, вниманием obsługi и охраны, чудесными яствами, приготовленными твоим поваром по случаю моего появления. Я обсуждаю с тобой те же пустяки, говорю и говорю, например, о преимуществах породы мастиф (этой породы наш Гектор), но делаю это с таким видом, будто обсуждаю с тобой государственные дела, подсказываю тебе, что и как нужно сделать. Ах, как мне хочется быть при тебе хозяйкой... А ты меня внимательно слушаешь, время от времени согласно киваешь, смотришь немного исподлобья, изучая мои мысли и одобряя их. Ты улыбаешься одними глазами, в твоих светлых белках дружелюбием и покоем отражается мир. Сейчас я замолкну и буду долго целовать твою руку, потом словно забудусь от нежности; так малый ребенок, умиротворенный и сытый, засыпает на материнской груди; потом снова очнусь и, как тот же ребенок, стану вновь требовать внимания. Боже мой, как я мала, слаба, жалка! Я всего лишь маленькое существо, наивно представляющее себя центром мира.

Я стремлюсь к тебе, и до неба растет моя тоска, как Вавилонская башня. Вздвигшиеся мышцы чувств. Я на самом деле «качаю» свою тоску, более ничего для своей любви я сделать не могу, не способна бороться и созидать, только в огромном спортивном зале я упражняю свои отрицательные эмоции. Нет, реальный, ты никогда не придешь ко мне, я не смогу ничем тебя приблизить, привлечь, ничего сделать для тебя, чтобы осуществить свою мечту.

Вышла погулять с собакой: так стало нестерпимо одиноко и больно, нужно хоть как-то развеяться, встряхнуться. Может быть, осенний сырой ветер выбьет из моей головы мокрым бельем своих настиранных одежд мою хандру.

Я гуляю с собакой в маленьком заброшенном скверике недалеко от дома. Скверик этот очень запущен, никто в нем кроме меня, наверное, не появляется, во всяком случае, сюда никогда не приходят дети, очень уж тут неуютно и грязно. Грязь от помойки, от мусорного контейнера, стоящего в углу. Кем-то, бездомными ли бедняками, роющимися постоянно в контейнере в поисках ценного или съедобного, воронами ли – мусор разбрасывается по округе.

Даже с собаками тут появляются редко, разве что робкая я, ведь мне страшно с нашим огромным Гектором переходить оживленную улицу, за которой парк. Практически все гуляют с собаками именно в парке, где-нибудь с краю, где мало кто ходит.

Гектору не интересен скверик, от помойки я его отвожу, ведь он норовит здесь изучить какую-нибудь гадость, как-то жуткая кость или какая-нибудь гниль; остальная захламленная территория обследуется быстро. Каждое дерево здесь знакомо, все здесь пахнет Гектором, никакого нет «письмеца».

Я повела Гектора вокруг территории детского сада, что граничит с нашим сквериком. Мы обошли с ним все, а когда, возвращаясь, шли мимо соседнего дома, к нам прицепился какой-то тип. Рабочие, по всему судя, приезжие, возводили на газончике какую-то постройку, что-то типа охранной будки. Этот дом решил отделиться. Много квартир здесь куплено, жилищные жилыцы в складчину организовали строительство. Делают возле дома место для парковки, а на газончике возводят будку для охраны.

Так вот: какой-то пренебрежительнейший тип (сам-то он ничего не делал, наверное, это был руководящий работник), подойдя к нам, очень невежливо заявил, чтобы я не гуляла здесь со своей собакой. Я не терплю агрессии в любом ее проявлении и на подобное отвечаю обычно в том же духе. Я сказала, что мне никто не может указывать, где мне гулять, что где хочу там и гуляю. Я была задета хамским тоном и поэтому особенно не торопилась уходить. Противный же тип не отставал: «Я же вам говорю, не гуляйте здесь со своей собакой!» – сказал он прежним скандальным голосом. Я в свою очередь повторила, что где хочу там и гуляю, что

мне не нужны ничьи указания. Мне было сказано, чтобы я гуляла со своей собакой в своей квартире. Это очень напоминало известную сцену в фильме «Бриллиантовая рука», где управдом в исполнении Нонны Мордюковой орала на затюканного собаководо: «Вам предоставлена отдельная квартира, там и гуляйте!» Я сказала своему противнику, что если он будет со мной разговаривать в подобном тоне, у него будут крупные неприятности. Я расхрабрилась. Но, наверное, мой голос прозвучал слабо, а угроза не испугала, потому что мой визави как-то вдруг мне признался, и в этом я почувствовала даже поиск сочувствия и понимания, что он сам с самого детства – сплошная неприятность. Я уже совсем неприлично разошлась и сказала ему, что он мамина ошибка. Это было, наверное, с моей стороны совершеннейшим хамством, но он, представляешь, со мной согласился. На том мы и расстались.

Я вернулась домой. Уж и не знаю, развеялась ли я, отвлеклась ли. Может быть, и отвлеклась от себя, но не так, как хотелось бы. Снимаю одежду, вытираю собаку. Нужно выполоскать тряпку, вытереть пол. Ничего делать не хочется. Я чувствую, как вновь захлопывается моя раковина. Я буквально физически ощущаю, как смыкаются створки, и я остаюсь в темноте, без воздуха. Смешно и жалко, что я считаю себя жемчужиной и, конечно, не понимаю, как ограничен мой мир. Мне кажется, что я не в душной жесткой скорлупе, а царю в волшебном прекрасном мире. Да, я царица, иду рука об руку с тобой.

С детьми сейчас мама, я могу побыть в покое. Отдыхала бы и отдыхала от всех дни напролет. Попью чаю. Возьму самую любимую свою чашку белоснежного немецкого фарфора. Она расписана нежными голубыми цветами, эти выведенные кистью, прозрачные цветы как будто прикасаются к моему лицу. Такая грустная чашка, а от прикосновений цветов хочется плакать. Я опустила в кипяток пакетик с чаем. Чай медленно заваривается, наверное, ему тоже тяжело от грусти. Я немного поболтала пакетиком в воде, потянулись темные струи, вода становится темно-терракотовой, вкусной. Положу в чай сахар, хоть чем-то подслащу свое горе.

Моя бабушка очень любила пить чай... Отчего в той комнате, в которой мы с тобой, молодая чета, поселились, старая мебель? Откуда там старинное зеркало, платяной шкаф в стиле модерн, чудесная железная кровать, спинка которой украшена шишечками? Я говорила, что нам даже в самых смелых своих мечтах не уйти от своей памяти, от себя. Моя грусть, моя вечная ностальгия по тебе... И как это сложно объяснить, как эта тоска связана в моей душе с другой тоской, вечной ностальгией по моему детству, по бабушке, ведь именно в ее комнате стояла эта мебель. Что это такое – тоска, грусть? Некое болезненное чувство, где из одного корня, одного ствола идут ветви разных воспоминаний и впечатлений, но суть в одном, потому что на все одна причина? Нужно искать ту причину, по которой в твоей душе завелся этот корень. Кто-то его, может быть, заботливо посадил в плодородную, легкую и пушистую почву твоей молодой души – и теперь ты неизменно страдаешь, путешествуя, как одинокая птица, с ветки на ветку.

Моя грусть сегодня настолько сильна, что я чувствую шелест, горькое благоухание многих веток. Они качаются передо мной, возникая из тьмы, и тут я оказываюсь в старинном саду.

Мне трудно объяснить логику своих аллюзий. В них нет никакой иной логики кроме самих моих чувств. Сюжет – я ужасно беспокоюсь, что в этом произведении нет сюжета, фабула только в переживаниях, – в неразделенной любви к бесконечно далекому человеку.

Извини меня, несовременную дурочку, романтичную идеалистку, за то, что я позвала тебя в этот сад. Я так люблю бывать в старинных садах. Как жалок мечтатель сегодня, он, кажется, теперь никому не интересен, но что же мне с собой делать? Я должна прожить свою жизнь, но в то же время мне обидно, что я ничего больше не могу в своей ностальгической немощи, кроме как мечтать. Может быть, эти мечты будут хоть немного оправданы хилыми строчками, что время от времени появляются на бумаге.

Я присела на скамейку. Мне грустно, мне хочется видеть тебя – и вот сию секунду ты передо мной. Ты очень аккуратно одет, неброско, но изысканно и, это видно, дорого, как подobaет быть одетому человеку твоего положения. Ты, мне кажется, сейчас был занят чем-то, а я, вызвав тебя, отвлекла от важных тебе, интересных дел. Я не знаю, как начать разговор. Я вдруг растерялась, хотя столько раз тебя видела, общалась с тобой (конечно, в своих мечтах), и спрашиваю твое мнение о погоде. Ты улыбаешься, понимая мое замешательство, растерянность, ты снисходительно соглашаешься поддержать беседу. Ты ничего не знаешь о сегодняшней моей сильной меланхолии. Это так интересно, что ты, в общем-то, из нее возникая, рождаясь, сам о ней ничего не ведаешь; ведь появляешься ты как раз в утешение: я с тобой становлюсь другой – энергичной, говорливой, смешливой, может быть и неглупой, но все равно обыкновенной, нормальной бабенкой.

Но я не знаю, что сегодня со мной, мне ужасно грустно; я начинаю говорить с тобой о моей бабушке. Все понятно: память о моей бабушке Леле, моей ненаглядной и незабвенной подруге – очень важная тема моей души. Она золотой ее фонд. Наверное, я хочу показать тебе свои богатства, описать подробнейшим образом, что невероятно дорого для меня, что является основой моей личности.

Мое трепетное, страстное отношение к тебе и память о моей бабушке несомненно имеют один оттенок – святости. Память о бабушке так же значима для меня, как твое присутствие в моей душе, моем сердце. (Но все же как мне объяснить, как мне самой почувствовать и понять это, что я пытаюсь говорить о своей вечной тоске и грусти, не просто говорить, а доискаться ее причины?)

Я сейчас рассказываю тебе о том, откуда взялась наша с тобой комната, об этой чудесной, самой светлой и уютной в мире комнате, где вся мебель, каждая вещь, мне кажется, расставлена с самым тонким и точным пониманием гармонии и красоты. Как описать эту чудную, похожую на воздушный торт, кровать? Восхищение от этих, вышитых бабушкой бордюров «ришелье», наволочек на подушках (их на кровати по старинной моде целая кipa – чем выше, тем меньше). Кровать высокая, я маленькая на нее забиралась с разбега. Как чудесно, уютно было тут очутиться, на этом сонном корабле безмятежного покоя, рядом с теплой, милой, недавно проснувшейся бабушкой. На стене над кроватью висит удивительно уютный ковер, а сверху еще картина – романтический, не яркий, но очень заманчивый сельский пейзаж – пастушок, пасущий овец. Возле кровати, накрытая так же вышитой, чистейшей салфеткой, тумбочка, на ней изящная, витая бронзовая лампа, фотографии дочерей, моей мамы и ее сестры, моей тети Нины, ни с чем не сравнимые часики. Они круглые, в матовом металлическом корпусе, хорошенькие, как игрушка, и стрелки у них с красной прожилкой. Все здесь так чудесно, прекрасно, так бывает только в раю.

А чего стоит бабушкин буфет! Он кажется мне восхитительным, романтическим старинным замком. Сколько прелести в нехитрых его резных завитушках и, конечно, главная тайна – внутри. Как интересно, заветно все, что содержится в этом великолепном буфетезамке. Как опьяняюще прекрасны хрустальный графин, керамический желтый в зеленую точку кувшин, чудесная старинная сахарница с изящным бронзовым мальчиком, поднимающим бронзовую же ложечку. Я даже теперь не могу понять, что вся эта утварь была в сущности бедной, обыкновенной, она мне, как в детстве, кажется самой заманчивой и удивительной.

Моя милая Леля, какие у нее были руки, как штопала она ими и зашивала свои скромные износившиеся вещички, ведь жила она до смерти в бедности, получая крошечную пенсию. Но как она гордилась своей работой, и с какой радостью, самозабвением, как искренне я за нее ее хвалила. Никто никогда не лишит меня уверенности, что моя бабушка самая лучшая, самая умелая, самая добрая и веселая.

Я рассказываю тебе о своей бабушке, о ее удивительном жилище, и сама не понимаю, почему вдруг начинаю плакать. В этих слезах так много: мне жаль ее, мою голубушку, умершую

через несколько лет в страшных муках, до последних дней верившую в выздоровление, в свои силы, мне жаль ее жуткой доли, жаль ее рук, постоянно штопавших ветхую от старости одежду, жаль ее бедных вещей, которыми она так дорожила, и мне почему-то жаль себя.

Хорошо, что пошел дождь. Я делаю вид, что стираю капли с лица, но на самом деле стираю свои слезы. Ты внимательно смотришь на меня, лицо твое очень доброжелательное, ты даже чуть-чуть улыбаешься. Я оглядываюсь. За нами стоит твоя охрана – внушительного вида серьезные парни, они ждут тебя, они наготове, они привыкли заниматься серьезным, ответственным делом. Поодаль, на дороге – машины. Одна из них твой роскошный представительный лимузин. Сейчас ты встанешь, тебе мгновенно откроют двери машины, и ты исчезнешь, умчишься по своим важным делам. Слезы предательски текут из глаз, я не могу их остановить. Все время пытаюсь улыбаться, но видно, что я плачу. Мной всецело овладело сиротское чувство, я не могу уже удержаться от слез.

– Давайте пройдемся, – вдруг говоришь ты и решительно встаешь.

Я тотчас вскакиваю. Ты берешь меня под руку, я замираю от счастья, платком, нашедшемся в кармане пальто, пробую незаметно стереть соленую влагу со щек. Что я там только что тебе говорила о своей бабушке, о ее милых вещицах, все это не стоит... не стоит... не стоит... Но все же мне так грустно... Лица твоих ребят очень серьезны, в них неприступность другого мира... Что на меня нашло, что я вся в слезах...

Я не понимаю, как это вдруг получилось, что ты стал нежно и бережно меня целовать...

Мне не хочется общаться с отцом, я не умею с ним говорить, но бывать в родном доме мне нравится. Конечно, я думаю, дело в любимой маме. Я до сих пор цепляюсь за нее, как детеныш обезьяны за свою мать – ни за что нельзя отпустить, в любом положении изо всех сил держаться. Ну как же не держаться за это ни с чем не сравнимое душевное спокойствие? Это чудесная райская бухта, а я тот корабль, который навечно остановился здесь.

В своей бывшей комнате усаживаюсь за письменный стол. Сколько я просидела за этим столом, делая уроки... Смотрю в окно. Пейзаж новостроек. Купчинские проплешины, огромный газон, за ним такой же, как наш, дом.

Но что это? Я вдруг чувствую, что мое безмятежное настроение меркнет. Вместо шелковых расписных тканей шевелятся внутри рваные тряпки. Не радость и счастье баюкают меня, а рвут на части голодные одичавшие собаки. Я не понимаю, что произошло, что случилось, пока я перелистывала вырезки из старых газет, – стихотворные рубрики, – припрятанные мною в ящиках стола. Газеты немного обветшали, они издают специфический запах, давно немыто окно – но не в этом, естественно, дело. Я ощущаю, как ко мне возвращается мое детское состояние, состояние раздрая и раздражения. Какая-то странная метаморфоза, как грустно, но и удивительно: ведь я, в сущности, не понимаю, что же вынесла из детства – душевный покой и уют или страшное раздражение, гнев. Я склонна сейчас думать, что скорее последнее.

Я знаю, что произошло – моя комната была следующей за кухней, за ней уже была комната родителей, в которой обитал отец. Яркое воспоминание детства: я сплю, моя мама уже встала, она пришла на кухню, понятное дело, у женщины всегда найдутся на кухне дела, мама тотчас, как пришла, включила довольно громко радио. Стены блочного дома тонкие; мне все прекрасно слышно, но я пытаюсь спать.

В это же время отец – он мог проснуться спозаранку, но никогда не вставал раньше двенадцати, а то и часа, двух, – включал свой приемник. Он брал его прямо с собой в кровать. Отец особенно любил делать погромче, как меня раздражал звук перестраиваемой волны... Я пытаюсь спать между двумя этими помещениями, но разные громкие звуки, естественно, не дают мне этого делать. Звуки, я думаю, не сами по себе меня угнетали, они настраивались на какую-то очень важную волну в моей душе, волну отношений родителей, и входили в разрушающий резонанс.

Сейчас, сидя за столом, вода грустно глазами по до боли знакомому голому пейзажу, я опять слышу эти два радиоприемника: один материнский, другой отцовский, – и мне плохо. Я чувствую, что ненавижу весь мир. Нет, не так: я ненавижу отца – это он не прав, включив свое радио – и поэтому в целом мире мне нет места. Мне хочется из него уйти. Но смерть страшна, и потом, я слишком люблю мою милую маму, она бы очень ругала меня за попытку распрощаться с жизнью, она бы такого никогда не поняла, я и придумала для себя другой уход – я ускользаю из этой жизни в ту, придуманную, к тебе. Нет, мне не нужен мир сказочного великолепия, хотя какая женщина откажется от красивого, чарующее действие красоты исцеляет от любой меланхолии, мне очень хочется красивых чувств, любви, и я понимаю, как много на самом деле я прошу.

Что я делаю здесь? Я подымаюсь резко со стула, в коридоре почти сталкиваюсь с отцом. Он, закончив слушать свой старый приемник, уже чем-то занялся. Далеко отставив правую руку, он тащит в левой полное ведро. Как-то даже странно мне это видеть, я так понимаю, что моющая в кухне полы мама попросила отца вылить в туалет ведро, и он согласился... Да нет же – он сам и вызвался, она бы на самом деле никогда не попросила его. Это не в правилах нашей семьи. Мама все делает сама.

Ведро полное. Отец неаккуратно несет его, расплескивая. На полу тут и там вода. Вылив грязную воду, отец возвращается к матери, поскользывается на лужицах и ужасно смешно, уродливо падает. Ударяется не сильно, но я, сама не ожидая от себя, страшно пугаюсь – ведь у него больное сердце. Подлетаю к нему. У него у самого испуганное лицо. Почему-то при виде этого испуганного лица, выражающего беспомощность, у меня появляется ощущение досады, досады до боли. Внутри шевелится разочарование. Я даже не знаю, откуда сейчас взялось это чувство, но у меня такое впечатление, что это наподобие скелета в шкафу.

Как-то я поехала в один магазин бытовой техники. Со времен моей работы у меня была отложена небольшая сумма денег на покупку нового фотоаппарата, мне хотелось сделать Андрею подарок на день рождения.

День был будний, часов двенадцать, покупателей собралось немного. Я, побродив по магазину, наконец, нашла подходящие мне фотоаппараты.

– Вам что-нибудь подсказать? – возникла передо мной, появившись как из-под земли симпатичная, даже прелестная девушка.

На бейджике у нее было написано: «Наташа». Но я обычно стесняюсь обращаться к продавцам по имени.

– Покажите, пожалуйста, мне цифровые фотоаппараты на шесть мегапикселей, – попросила я.

И у нас завязался очень милый деловой разговор. Наташа оказалась действительно очаровательной девушкой, общаться с ней было одно удовольствие. Как она была терпелива, внимательна, как хорошо знала свою тему. Я все время невольно думала, смогла бы я так, и каждый раз с горечью отвечала отрицательно на этот вопрос. Но между тем никаких ревностных, неприязненных чувств к Наташе у меня не возникало, в какой-то момент я поймала себя на том, что просто люблю ее. Я понимаю: задача продавцов – продать товар, и у них есть какие-то свои профессиональные приемы; я же человек очень внушаемый и впечатлительный, но я не верю, что дело только в том, что мне хотели что-то втюхать. Наташа совершенно чудесная девушка – удивительно приятная внешне, с легким характером, – от таких сходят с ума парни. Я была прямо-таки в состоянии наваждения. Никогда я не получала столько удовольствия от покупки.

Мы выбрали нужную модель и двинулись на первый этаж к кассам. И вдруг мне что-то послышалось. Мне кажется, послышался знакомый голос. Я, не веря в худшее, пригляделась. Так оно и есть – у одной из касс стоял и скандалил мой отец. Наташа тут же подошла

к покупателю, но уладить проблему, естественно, было непросто: отец, как я поняла, купил какой-то дешевый чайник и требовал, чтобы ему дали на него большую гарантию, обвиняя девочек-продавиц в мошенничестве.

Нужно было слышать его речь. Трудно себе представить, что человек может так гадко разговаривать, так обижать другого. И нужно было видеть лица бедных девочек, они чуть не плакали. Обиженные, разочарованные лица.

Мне стало плохо. У меня закружилась голова и потемнело в глазах. Как я могла подойти к отцу и признаться тем самым окружающим, что я его дочь? Меня бы в этом магазине все возненавидели, и, конечно, Наташа, а ведь мы друг на друга произвели такое прекрасное впечатление. Я проскользнула между соседних касс и выбежала из магазина без покупки.

Вечером того же дня – это был день рождения Андрея – мы отправились с ним в супермаркет. Нужно было что-то купить к столу, потом Андрей планировал посмотреть бытовую технику. У меня сжалось сердце. Ведь я не купила ему подарок. Мне показалось, он сам хочет купить себе что-нибудь, как будто ничего иного ему не остается. К тому же я не позаботилась об угощениях заблаговременно, со мной такое случается. Я слишком зациклена на себе, на своих переживаниях и не способна осуществить что-нибудь дельное.

Мы вышли из машины. Я неудачно захлопнула дверь, она прижала мой шарфик. Андрей закрыл машину на замок и уже двинулся к супермаркету. Мне и так было перед ним ужасно неудобно, я чувствовала страшную вину, ведь я не сделала ему подарок, мне было жаль его и мне не хотелось лишний раз его тревожить. В конце концов какая ерунда – застрял шарфик. Я начала его тянуть, я была уверена, что легко заполучу его обратно. Но не тут-то было. Шарфик начал рваться. Я только смотрела во все глаза, как вдруг с краю лопнула ткань, и разрыв все увеличивался и увеличивался – ведь я так и тянула, тянула уже в досаде и иступлении.

Что произошло после, вообще вспоминать не хочется. Я чуть не крича и плача, начала дергаться в петле шарфика, обмотанного вокруг шеи. Мне было ужасно больно, мне, кажется, хотелось себя убить. Я слышала, как Андрей зовет меня, он не понимал, почему я не иду, что меня задержало. Когда он подошел, шарфик уже порвался и я освободилась из петли. Наверное, вид у меня был безумный, и Андрей, глядя на меня, тоже широко раскрыл глаза.

– Что случилось? – ничего не понимая, испуганно спросил Андрей.

– Я ненавижу тебя! – кричала я тихо, чтобы не привлекать внимание окружающих, но от этого мне становилось еще больней. – Это ты во всем виноват! Ты, противный отвратительный тип! Я не хочу тебя видеть! Вы все такие, мужики! Ты мне не нужен! Ненавижу тебя! Ненавижу!

Бедный Андрей, это был его день рождения. Он остался без подарка, без поздравления, ему же устроили отвратительную сцену. Почему я такое кричала? Потому что меня терзало чувство вины? Я уверена, все случилось из-за моего отца. Не встретить я его в этот день, день был бы счастливым.

Мы – Андрей, мама и я – в Петродворце. День выдался пасмурный, но иногда проглядывало солнце. Каким пронзительным казался его свет. Яркие лучи тяжело ударялись о землю, как мокрые полотенца. Деревья все давно облетели, дул сильный ветер. Естественный колорит пейзажа можно было назвать коричневым: голые деревья и покрытая листьями земля, темное небо над всем. И как удивительно было видеть открывшуюся, словно с ширмы сорвали ткань, – ведь не было привычной зелени, – перспективу прекрасного парка. Как было красиво наблюдать с возвышенности дорожки, аллеи. Узоры на газонах, выложенные темными и светлыми камешками, были этим хмурым, срывающимся на истерику солнца днем восхитительны. И еще розовый, словно губы девушки, парковый павильон.

Мы спустились вниз, прошли мимо унылого неработающего каскада, все скульптуры которого были закрыты чехлами, и двинулись к заливу. Ветер озорничал, если так можно сказать о чем-то огромном, могучем, неуловимом, волшебном, о чем-то, что может исчезнуть

или превратиться в стихию. Ветер был со всех сторон. Он толкал в спину, не давал дышать, то подгонял, то задерживал, крутился под ногами, как надоедливый пес. Потом мы к нему привыкли. Голоса детей звенели и уносились куда-то к пронзительному солнцу. Оно то и дело показывалось и вываливало на землю свой огненный мусор. Кутерьма звуков, и света, и сильного ветра, словно все ловят мячи, которые нельзя поймать.

Водой в эту пору совсем не пахнет – скорее землей и прелой листвой. Прошли по мосту, пересекающему канал, и совсем уже приблизились к Монплезиру, как к нам, чуть не крадучись, очень несмело, как зыбкая тень, подошел человек. Мужчина был плохо одет, но все же не походил на бродягу. На бледном лице отмечалось болезненно отрешенное выражение.

В усах и бороде ни одного седого волоса, их цвет – полежавшего в земле каштана. Мужчина, по-видимому, был довольно молодым, но что заставило его превратиться в тень, не болезнь ли?

– Вы не хотите посмотреть акварели? – спросил он тихим голосом, очень несмело, и добавил: – От тридцати рублей.

Мы что-то обсуждали в этот момент, мой муж буркнул:

– Нет.

Молодой человек исчез, мы пошли своей дорогой. Вдруг муж сказал:

– Пойдемте все же посмотрим, что он продает. Может быть, что-нибудь купим, тридцать рублей не деньги. Жалко его.

Мой муж, надо сказать, очень великодушный человек, а незнакомец действительно с первого же взгляда вызывал чувство жалости и сострадания. Мы подошли к молодому человеку. Он расположился со своими папками на газоне, у самого берега, тут же лежали и краски. Может быть, сперва он собирался рисовать, а потом передумал, а может, все это было бутафорией, и он так хотел показать нам, что его акварели выполнены прямо сейчас, с натуры.

Молодой мужчина, несмотря на то, что производил впечатление оторванного от жизни, не от мира сего, видно, понимал, как следует вести дела. Он открыл свои папки, представляя нам живопись. Не нужно было быть знатоком, искушенным ценителем изобразительного искусства, чтобы сразу все понять: за убожеством формы не скрывалось решительно ничего. Просто дрянные работы, вот и все. Тот, кто пытался выдать себя за художника, попросту не умел рисовать. Дети рисуют намного лучше, быть может, и неумело, но в их творениях всегда есть и выдумка, и чувство. Здесь же не было ничего. Не исключая, что у молодого человека страдающая тонкая душа и сам он одинок и глубоко несчастен, но он не умеет, как ни крути, свои страдания обращать в свет шедевров.

Рот мой открылся от изумления, сначала я еще думала, что, возможно, обманулась в своем первом впечатлении, чего-то не поняла и передо мной не жалкие, убогие работы, а что-то значительное, и я только в силу своей неграмотности не могу по достоинству их оценить. Но муж и здесь оказался проворнее, он-то сразу все понял, нисколько не сомневаясь, что перед ним обыкновенная мазня. Он засмеялся хитро и горько в сторону, как бы делясь впечатлениями с нами, со мной и с моей мамой. Андрей, несмотря на свою независимость и даже некоторую бесцеремонность в общении с людьми, привык щадить чувства ближнего, тем более тонких натур. Я тоже усмехнулась в ответ, поддерживая наш незаметный диалог, мне уже стало все понятно. Лишь одна мама еще сомневалась. Очень внушаемый человек, она думала, – вернее, хотела думать, к этому ее побуждала неожиданно открывшаяся уверенность в себе молодого человека, что перед ней что-то особенное. Вид у Валентины, я часто зову маму по имени, был очень серьезный, сопереживающий. Она всем своим существом была обращена к художнику и его работам.

Мы же с мужем, сдерживая смех, выбирали разложенные перед нами на земле акварели. Художник доставал из папки новые работы, он изо всех сил пытался заинтересовать нас. Работы нам были совершенно не нужны, но мы все-таки выбирали, желая взять себе не самые

плохие. Да-да, живопись несколько не интересовала нас, нам просто хотелось дать денег этому явно больному человеку, неспособному, как видно, никак больше зарабатывать себе на хлеб. Работы же были «одна лучше другой», не на чем было остановиться. Наконец мой взор упал на одну акварель. Пожалуй, на ней был изображен совсем не залив, скорее озеро, берег озера и деревья; видно, натурой этой работе послужили совсем не красоты парка. Я показала на понравившуюся мне акварель, юноша сказал, однако, что ее за тридцать рублей отдавать жалко. Муж достал деньги. В его руках была сторублевая купюра, он был рад отдать больше и поскорее развязаться с этим мероприятием. Можно было подумать, что мы, общаясь с этим, с позволения сказать, живописцем, обсуждая возможность покупки его творений, перестали уважать себя. Молодой человек, увидев в руках Андрея деньги, начал предлагать купить нам у него их три и еще одну взять в подарок.

– Зачем тебе эти картины? – спросил меня муж вполголоса. – Давай дадим ему просто деньги, и всё.

Но я, не желая обидеть продавца, стала возражать. Молодой человек заметил, что летом у него покупают картины по сто рублей штука. Муж стал говорить, что и мы можем взять, но только одну, но молодой человек, быть может, усмотрев в этом пренебрежение, упорно предлагал нам три или даже четыре. Конечно, милостыня ему была совсем не нужна. Тут еще подключилась Валентина, она тоже сказала, поддержав тем самым несчастного, что нужно обязательно взять не менее трех работ. Зачем, в самом деле, зря разбрасывать деньги, тем более что акварели, возможно, очень ценные. Нужно было видеть, с каким выражением на лице она рассматривала рисунки. Молодой человек так умело торговался, что действительно можно было подумать, что он продает что-то особенное, тем более что повлиять на внушаемую Валентину ничего не стоило. Видя наш интерес к художнику, тут же стали подходить еще люди, возле него возник прямо ажиотаж.

Мы дали художнику сто пятьдесят рублей и взяли три акварели. Художник поставил на своих «шедеврах» подпись. Его, оказывается, звали Алексей, и он пояснил, что автограф его похож на изображение серфинга. Вот подпись, действительно, была красивой, на нее только, как видно, у него и хватало таланта.

Мы удалились со смешанными чувствами. Нам было и смешно, и обидно, впрочем, мы ведь сами захотели обмануться. Даже Валентина, наконец, все начала понимать и робко предположила, что, наверное, вместо шедевров мы приобрели никому не нужное и ничего не стоящее убожество.

Зачем же я опять тебе все это рассказываю? Может быть, все это не пустая болтовня. За сказанным есть что-то, произошедшее говорит мне о себе самой. Мне страшно: неужели при встрече я произведу на тебя такое же убогое впечатление? Неужели ты так же посмеешься над моим текстом, как мы над работами этого художника, и мои чувства покажутся тебе жалкими, бессильными, ненужными? Может быть, я и есть такой же больной? Ведь это не так, правда? Ведь я не буду жестоко осмеяна и раздавлена и мои переживания найдут отклик в твоём сердце?

Как ужасно мне думать, что я буду несостоятельной в своем произведении. Как страшно не состояться вообще в этой жизни, с горечью, с ужасом в конце концов признать, что из тебя ничего не получилось.

Часть третья

Я долго гневилась бога своим плохим настроением, своей беспричинной тоской. Я накликала-таки беду – набежали тучи, над нами сгустился мрак. У мужа на работе произошли неприятности, и мы внезапно оказались совсем без денег. Приходится отказываться от привычного образа жизни. Раньше по выходным мы имели возможность зайти в какой-нибудь уютный

ресторанчик, могли купить себе какую-нибудь вещичку или что-нибудь по хозяйству, например, новый утюг, потому что старый стал течь, теперь же такого нет. Мучительно перестраиваться, ведь в душе остаются прежние желания и потребности.

Зачем же я оставила работу? Теперь я так себя ругаю за это. Сквозь гнев и раздражение на отца ко мне пробивается ощущение, что он был прав. Были бы хоть какие-то деньги. На мое прежнее место давно уже взяли человека. Так просто в один день никуда не устроишься. И потом, действительно, не бог весть какая у меня квалификация, а там, где платят большие зарплаты, много и требуют...

Сегодня суббота. Нужно съездить на дачу, проверить, как там, а мне во что бы то ни стало хочется пройтись по заветной улице. Шестая и Седьмая линия – тихая гавань моей души. Поздняя осень. Уже смеркается. Если бы я была художником, рисовала бы все время этот уголок Петербурга. Вечная, неисчерпаемая тема любви. Все здесь для меня живое, имеющее душу, именно потому, что все здесь наполнено моей душой. Старенькие дома, дающие кров и уют. Они, убаюканные осенним дождем, сладко, как дети в колыбелях, дремлют. Из-под полога крыш виднеется светлое, умиленное личико – зажженное окошко.

Почему не заглянули в «Макдональдс» – перехватить хотя бы самый простой гамбургер, что подешевле, не знаю. Детям тут нравится «хеппи мил», а вот что меня привлекает в фаст-фуде, так сразу и не объяснишь. Не дух ли коллективизма? Большое количество людей, все едят приблизительно одно и то же, и очень простое, к тому же полученное в очереди, где всегда царит некий ажиотаж, предвкушение добычи.

Наверное, это Андрей предложил все-таки идти не в «Макдональдс», а в маленький недорогой ресторанчик напротив. Он-то как раз не любит штамповки, и полагаю, как мужчина, особенно в еде. И потом, ему как никому из нас сейчас нужна хотя бы краткая прививка комфорта, благополучия.

Ресторанчик, в которой мы зашли, довольно интересное местечко. Оформлен в немецком стиле, в нем есть что-то от пиджачка, сшитого вручную, отличающее его от изделий дорогих фирм. Его штучное, недорогое убранство привлекает незатейливым бабушкиным уютом. Еще чуть-чуть – и мне будет здесь хорошо, но, к сожалению, этой необходимой капли отсюда не выжать. Может быть, оттого, что хозяевам не хватает аккуратности. В обстановке нет лоска. Хотя, что я требую от этого ресторанчика, если бы сюда добавить эту драгоценную каплю, то было бы какое-нибудь стильное, модное место с заоблачными ценами.

Одежду здесь можно вешать на крючок при входе, но мы забираем наши намокшие под дождем куртки с собой за стол, пристраивая их на спинки стульев. Приятный полумрак. Все освещение – висящие над столами лампы в абажурах. Сами столы покрыты клетчатыми скатертями. Почти все сейчас заняты. Курить здесь нельзя, похоже, из-за плохой вентиляции. Тока воздуха не чувствуется, здесь всегда душновато. Потолок отделан деревянными панелями, что-то в этом есть сельское. По стенам развешаны старинные фотографии, около нашего столика в углу – витрина. За стеклом какие-то дешевые безделушки, недорогие фигурки из фарфора. Я вижу декоративный чайничек, перед ним как будто небрежно брошен букетик засохших цветов. Вот еще интересная вещица – керамический домик. Это, как я понимаю, изображение швейцарского шале. Посмотреть бы на него, настоящее, хоть издали. Буду ли я еще когда-нибудь в Швейцарии?

Смотрю на все и не понимаю, есть ли у хозяев фантазия и вкус или нет. Во всяком случае, они люди оригинальные и самобытные, ведь нигде в Петербурге я подобного интерьерера не видела. Чувствуется, что все здесь сделано, как говорится, своими руками. Дизайнеров наверняка не приглашали, а предметы интерьера собирались постепенно, как соломинки для гнезда, так всегда бывает дома.

Еда же тут так себе. Особенный только фруктовый пирог, все остальное как в самых обычных дешевых бистро. Денег у нас в обрез, можно сказать, обедая здесь, мы шикуюем

не по средствам. Почему, спрашивается, обязательно нужно было идти в ресторан, хотя бы это и был ресторанчик, неужели нельзя было потерпеть свою боль? Все дело в привычке?

Мы не можем заказать ничего существенного, никакого мясного или рыбного блюда, довольствуемся омлетом. Я вижу, что Андрей съел бы еще что-нибудь, что он остался голодным, но муж уверяет меня, что сыт. Он хочет, чтобы я заказала себе на десерт так понравившийся мне в прошлый раз фруктовый пирог. Мне тоже еще хочется есть. Глотая горечь, я прошу принести пирог. Я обязательно отдам половину Андрею. Зачем мы пришли сюда?

А ресторанчик уже украшен по-новогоднему, хотя на дворе еще ноябрь. На окнах висят яркие электрические гирлянды, на подоконниках в вате, совсем в духе моего детства, стоят Дед Мороз и Снегурочка. Я смотрю на красочные, мигающие огоньки гирлянд, и у меня в глазах стоят слезы.

Что сейчас делаешь ты? Счастлив ли ты в эту минуту? Отчего-то мне кажется, что да. Я представляю, что вот именно в этот момент, в дождливый ноябрьский вечер ты проводишь небольшое совещание в своем кабинете. Ты занят работой, ты уверен в успехе, у тебя есть все, чтобы добиться своего. Как четко я вижу твое лицо, говоря языком кинематографистов, оно сейчас передо мной крупным планом. Твой лоб кажется немного влажным от яркого света, я вижу твой нос идвигающиеся губы, твои волосы, глаза, они сейчас буравят твоего собеседника, несколько перепуганного. Ты, кажется, отчитываешь нерадивого, призываешь его быть ответственной. Разговор жесткий, голос твой, я буквально слышу это, стал жестяным.

У меня появилась привычка, что ли, подглядывать за тобой. Сколько глаз хотят видеть тебя, а я ведь действительно вижу. Кто же сможет мне возразить, что все не так? Я уверена, что сейчас ты распекаешь кого-то на совещании. Хотя, конечно, может быть, все совсем иначе. Ты в эту минуту, возможно, просто спишь, а может быть, с каким-нибудь другом охотишься, занимаешься спортом на свежем воздухе, совершаешь конную прогулку, ведь в твоей стороне наверняка сейчас светит яркое солнце.

Но вдруг я вижу твое сопереживающее лицо. Ты как будто услышал меня, и тебе стало так же грустно. Ты готов меня утешить, поддержать, я чувствую, ты понимаешь меня, для меня это очень важно. Я чувствую связь с тобой, я верю в твою доброту, в твою великодушие, тебя не оставляют равнодушным мои чаянья, страхи, нужды.

Любимое место, эти василеостровские линии, отчего же они для меня так привлекательны, так интересны? Наверное, потому, что с ними связаны впечатления детства. Самый любимый и интересный для меня кусок – от Среднего до Малого и чуть дальше, где стоит дом, в котором я жила с родителями до пяти лет.

Милое захолустье великого города. Когда я думаю, что нигде в целом мире нет подобного уголка, сердце мое сжимается сладко. Недалеко друг от друга здесь располагаются две довольно большие церкви. Одна мне дорога потому, что стоит совсем близко от того дома, в котором жила я. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Неужели только потому, что я помню ее с детства, она кажется мне такой красивой?

Если бы ты знал, как мне хочется описать здесь подробно каждый дом, уголок, как будто это и есть уголки моей души, полочки, на которых теперь, как драгоценные ткани, разложены самые чистые, святые чувства любви.

Вот здание с большими школьными окнами, с башенкой, у которой купол как луковица, зеленый, очень аппетитный. Что здесь находится нынче и находилось тогда, во времена моего детства, я так и не знаю. Но дом этот очень походит на учреждение и характер его такой же, как у стареющей классной дамы, но она, эта дама, совсем не зануда и не ханжа, любящая школить, она очень душевная, открытая.

Далее стоят два небольшие трехэтажные дома, один почти серый, другой желтоватый. Они очень похожи своей статью, но, в общем, оба очень скромные. Обыкновенные горожане,

их, может быть, не заметишь в толпе, пройдешь мимо, но я так просто мимо них пройти не могу.

Небольшой открытый дворик за этими домами, словно маленькая площадь. Мне кажется, в нем всегда сумерки пасмурной ранней весны. Но если бы ты знал, как мне мила грустная кротость этого типичного петербургского пейзажа...

За двориком два довольно длинных и низеньких дома всего в два этажа. Дома, конечно, очень старинные. Высокие бельэтажи, окна украшены лепными карнизами. Один дом бледно-желтый, другой красивого цвета сангины. В желтом доме, том, что пониже, видно, недавно куплена квартира – в окна вставлены новые современные рамы. Два этих маленьких домика очень уютны на вид, какой-то сонной провинцией веет от них. Весь наш прекрасный, величественный город превращается в провинциальное захолустье. Миленький, сделай что-нибудь с этим, не дай умереть красоте. Но я на самом деле люблю это место, в глубоком патриархальном сне, в этой заброшенности для меня столько заветного и дорогого.

За этими двумя домиками поликлиника и школа. Здание поликлиники новое, типовое, школа тоже из новых, но все мне здесь кажется удивительно гармоничным, красивым, так восторженно, наверное, действует на меня моя младенческая память. А рядом со школой та церковь Благовещения.

Зиждится эта красота только на моей ностальгии или действительно моя улица так необыкновенна, живописна и разнообразна? Я не знаю, я свято верю, что все здесь прекрасно. А что там напротив! Какие романтические, окруженные старинными деревьями особнячки. Эта картина неизменно берedit мое воображение, пробуждая мечты. Мне хорошо здесь в какую угодно пору, и всегда я ищу опору в этих пейзажах. Эти линии, цвета, формы удивительно благотворно действуют на меня.

По соседству несколько очень красивых домов, высоких, величественных, благородной архитектуры, богато украшенных. Это аристократы нашей улицы. У одного барочные завитушки как усы – это генерал; здание в стиле модерн подле – романтически красивая дама.

Несколько домов дальше к Малому – чиновники разных рангов, от обыкновенного писмоводителя (это серый не слишком яркий и презентабельный дом) до какого-нибудь статского советника (это тот нарядный и представительный дом на углу Малого и Шестой, с башенкой наверху).

Я малышкой здесь часто ходила с родителями, когда, например, мы возвращались из магазина или гостей, от бабушки, и, выходя из метро, направлялись к нашему дому. Наш дом на самом деле подальше, за Малым, не больно привлекательная часть этой улицы, примыкающая к речке Смоленке, но ведь все равно и здесь, возле бывшей фабрики «Беккер», мне как-то удивительно интересно, комфортно. Я смотрю на эти в общем-то мрачные, наводящие тоску трущобы с обожанием.

И вот – полюбуясь: этот страшный, угрюмый дом из темного кирпича – наш. Не дом – казематы. Но стоит ли говорить, что это здание для меня особенное? Нет, оно действительно очень интересное. Почему же? Четыре этажа, но с мансардой. Дом выглядит высоким, каким-то даже странным, а неказистая, грубая на первый взгляд, одежда его украшает. Сам дом не длинный, в семь стандартных окон, но к нему примыкает большой флигель. Низ этого флигеля нежилой, он занят складами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.